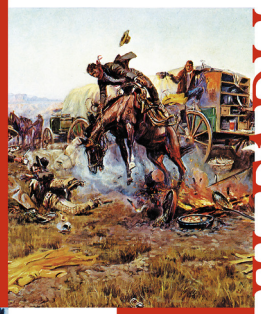
НА ДАЛЬНЕМ ЗАПАДЕ



САЛЬГАРИ

ЭМИЛИО САЛЬГАРИ

АСТ
АСТРЕЛЬ

Эмилио Сальгари

На Дальнем Западе

Серия «Смертельные враги», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125868
На Дальнем Западе: АСТ: Астрель; М.:; 2011
ISBN 978-5-17-074115-1, 978-5-271-35543-1, 978-5-17-074116-8, 978-5-271-35544-8, 978-5-17-074117-5, 978-5-271-35545-5

Аннотация

«На Дальнем Западе» – самый известный приключенческий роман Эмилио Сальгари. Романтика первых поселенцев, осваивающих американский фронтир, их сложные и запутанные отношения с благородными, но жестокими индейцами, «поэзия кольта» и история любви, дружбы и предательства – в этой книге есть все, что может привлечь юного читателя.

Однако роман Сальгари отличает богатое знакомство с подлинным колоритом Дикого Запада, верность и глубина характеров и умение сделать свое произведение не только занимательным, но и искренним…

Содержание

Часть первая 4
I 4
II 7
III 25
IV 31
V 38
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Эмилио Сальгари
На Дальнем Западе

Часть первая

I
Тени прошлого

Я был там, был совсем недавно, так что в моей памяти еще не изгладились мелкие сцены обыденной жизни: я еще ясно помню лица встреченных там людей, их речи, их жесты.

Теперь там повсюду пролегают бесчисленные линии железных дорог, и огромные локомотивы мчат с безумной скоростью длинные поезда, вагоны которых битком набиты пассажирами и грузами, перевозимыми с запада на восток и обратно.

На станциях высятся элеваторы, куда фермеры из окрестностей свозят осенью, после жатвы, миллионы пудов золотой пшеницы, пригоняют отправляемый в Чикаго, на тамошние бойни, крупный, могучий, выхоленный, породистый скот.

Здесь и там – людские муравейники, имени которых никто не знал еще десять, двадцать лет назад; а теперь эти города своим благоустройством, своей кипучей чисто американской жизнью, своими влиятельными газетами, своими музеями и университетами собираются перещеголять старейшие культурные центры Европы.

Я видел, как изрыты недра матери-земли, как тысячи и тысячи рудокопов копошатся там, добывая «черное золото», или «черные бриллианты», душу современной промышленности – каменный уголь, доставая драгоценную железную руду.

Я видел огромные фабрики и заводы с чудовищно сильными машинами, с колоссальными станками, приводимыми в движение паром или электричеством. Тонкие желто-красные кирпичные трубы заводов, словно вонзившись в бледно-голубое небо, изрыгают клубы рыжевато-черного дыма. На много-много миль вокруг заводских зданий дрожит земля, словно в лихорадке, когда паровой молот в тысячи тонн кует железо, штампует сталь; воздух насыщен частичками угольной копоти, и на много-много миль вокруг на зеленой листве деревьев, на стеблях трав лежит едкая черная пыль.

По шоссейным дорогам, изрезавшим всюду поверхность земли, носятся, словно обезумевшие, блестящие автомобили с бронзовой арматурой, оставляя за собой голубоватые облака дыма, бензина и тучи пыли.

Над бурными потоками, над пропастями висят, словно сплетенные из тонких блестящих нитей, металлические мосты. Иногда в воздухе вдруг покажется гигантская игла с подвешенной под ней платформой. Это плывет управляемый воздушный шар.

По ночам улицы городов и даже маленьких, но сплошь носящих громкие, крикливые имена поселков залиты ярким светом. Это служит современному человечеству покоренная им великая сила природы – электричество. Его доставляют водопады.

Я глядел на реки, на бурные потоки Дикого Запада. По их волнам плывут теперь бесконечные плоты, мчатся огромные пароходы.

Я бродил по лесам – там кипит работа: американец строит лесопильные мельницы, тут же, в лесу, обрабатывает лес, а поезда проложенных в лесные дебри железных дорог вывозят из чащ и лесных трущоб уже совершенно готовые дома.

Я всходил на горы. Только они еще сопротивляются человеку, только там еще природа как будто сохранила свою свободу. Но это обман: и в недрах гор уже работает человек, добывая металлы; через горные проходы и туннели пробегают те же поезда железных дорог, через пропасти протянулись проволоки телеграфа.

Я видел индейцев.

Они клянчили милостыню у проезжих, выходя к каждому поезду на перроны станций, или торговали мелкими поделками, вернее всего изделиями фабрик Чикаго и Бостона, выдаваемыми за работу индейских «сквоу». Продаваемые этими потомками развенчанных властителей степей и лесов Дикого Запада луки, стрелы, томагавки, мокасины – все это жалкая подделка, все это фабричная грошовка.

Сами гордые и неукротимые индейцы загнаны в резервации, жалкие клочки почти бесплодной земли, милостиво отведенные Американским правительством бывшим хозяевам американского материка, и в этих «резервах» янки устраивают народные школы, где потомки делаваров, «черноногих», сиу и апачей зубрят таблицу умножения и изнывают, изучая тайны правописания английского языка…

Я видел людей, которых на первый взгляд принимал за трапперов[1], вольных лесных и степных бродяг, некогда с опасностью для жизни проникавших в неведомые страны Дикого Запада.

Но это не те трапперы, о которых говорят былые романы: это охотники-промышленники, без жалости истребляющие остатки чудом уцелевшей с незапамятных времен дичи, последние стада буйволов.

Я видел караваны, которые можно было бы принять за караваны переселенцев, неукротимых скваттеров[2], с ружьем и топором в руках проникавших в глубь леса и степи, уходя от тесноты городской жизни; но нынешние переселенцы – белые рабы, законтрактованные шахтовладельцами или фабрикантами, жалкие поденщики, выгнанные голодом из Европы, закабалившиеся на долгосрочные работы на обширных плантациях земельных магнатов Дальнего Запада.

Вот что видел я, посетив романтический Дикий Запад недавно, чуть ли не вчера.

И, говоря по совести, мне стало как-то грустно. Мне стало как-то не по себе.

Пусть другие приходят в восторг, видя сбившиеся в кучу дома безобразной фабричной архитектуры, трубы, готовые закоптить самое небо, автомобили, толпы оборванных рудокопов, оголенную от лесов, взрытую и истерзанную землю, электричество, кабак, газету, фабрику, кинематограф, элеватор.

Но мне было тяжело глядеть на все это.

Да, я видел эти земли. Видел раньше. Видел давно.

Да, я помню их.

Помню, как по степям бродили неисчислимые стада могучих бизонов и табуны диких мустангов. Помню деревни индейцев, которые тогда еще считали себя обладателями необозримых пространств девственной, изумительно богатой земли. Это были гордые воины, шея которых не гнулась перед пришельцами, взор которых блестел.

Я помню дни жестокой, кровавой борьбы, когда Соединенным Штатам приходилось напрягать все силы, чтобы справиться с вольнолюбивыми краснокожими.

Уже и тогда ни у кого не было сомнения, чем закончится эта борьба: столкнулись два мира, столкнулись две цивилизации.

---

[1] Охотники на пушного зверя в Северной Америке.

[2] Колонисты, захватившие свободные, необработанные участки земли при колонизации.

Один – мир примитивных людей, номадов[3], охотников. Другой – мир железной культуры, мир, весь охваченный жаждой наживы во что бы то ни стало, захвата, разграбления естественных богатств матери-земли, копившихся в течение десятков тысячелетий.

И первый мир – мир коренных обитателей Северной Америки, индейцев, оказывался бессильным в этом бою не на жизнь, а на смерть с миром янки…

Тогда была бурная эпоха борьбы, изобиловавшей полными драматизма эпизодами.

Теперь эта борьба отошла в область преданий и закончилась трагически для побежденных: они почти исчезли с лица родной земли. Они вымерли, как вымерли стада бизонов.

Только здесь и там чудом уцелевшие, сохранившиеся, странно звучащие имена ручьев, ущелий, пропастей, урочищ и холмов говорят о том, что тут было царство краснокожих. Только жалкие поселки в резервациях говорят о былой мощи индейских племен, об их героических усилиях отстоять право на свою независимость…

Да еще кое-где напоминают о прошлом курганы, под которыми спят погибшие в жестоких сечах вожди туземцев, сражавшиеся с неумолимо теснившими детей Америки «бледнолицыми», алчность которых была возбуждена необозримым простором полей и лесов, слухами о рудных богатствах этих краев, этих стран великого Дальнего Запада…

И вот мне грезится этот некогда по-настоящему дикий Запад, не теперешний, не новый, родившийся чуть ли не вчера, а Дикий Запад дней моей светлой юности. Мне чудятся бесчисленные тени тех, кого я видел тогда, участников последней великой борьбы краснокожих против янки. Я слышу их голоса, но они звучат глухо, потому что это голоса из забытых могил. Вокруг меня реют призраки…

Но эти призраки, кажется, еще так недавно были живыми людьми. И, вспоминая то, что было мной пережито тогда, то, что я слышал от самих участников дальних походов, кровавых сеч, жестоких схваток, я невольно забываю о настоящем, я погружаюсь в незабвенное прошлое.

Но это прошлое уже умерло.

И оно оставило в наследие настоящему только легенды, только рассказы. И сошли в могилу бойцы обеих сторон, свидетели совершавшегося тогда, и изменилась, кажется, сама земля, напоенная кровью оспаривавших друг у друга владычество над Диким Западом рас.

Им, этим теням прошлого, их былым деяниям, их горестям и радостям, их любви и их ненависти, их жестокостям и их подвигам, их спорам и распрям посвящен мой рассказ, повесть о том, что было и прошло, и никогда не возродится…

[3] Древнегреческое название кочевников.

II
Ущелье могил

– Ну, дети, эта ночь не обещает нам ничего хорошего! – сказал, обращаясь к сопровождающим его людям воинственного вида высокий, атлетически сложенный мужчина лет за сорок, носивший оригинальную простую и удобную форму войск Северо-Американской федерации. – Надвигается буря….

Это был популярный в американской армии полковник Деванделль. А люди, которых он фамильярно называл «детьми», были небольшим, наскоро, поспешно собранным им отрядом, на три четверти состоявшим из ковбоев и на четверть из рядовых пограничных войск «дяди Сэма».

Несколько дней назад полковник получил экстренный приказ выступить с этим отрядом против индейцев, готовящихся напасть на поселки белых пионеров Дикого Запада, и теперь ковбои и солдаты расположились перед входом в знаменитое ущелье гор Ларами, известное под названием Ущелья Могил.

– Держитесь вместе! Придется прободрствовать всю ночь. Иначе индейцы воспользуются нашей оплошностью и попытаются прорваться из ущелья! – говорил, озабоченно оглядываясь вокруг, полковник.

Старый солдат, жизнь которого прошла в походах и сражениях сначала на территории Мексики, а потом на границах уже занятых янки земель Дикого Запада, не ошибся на этот раз, предсказывая, что наступает бурная, полная тревог и опасностей ночь.

Вершины горной цепи, тянущейся от Иоминга до границ Колорадо, в этот вечер глядели хмуро. Над горами собирались, закутывая непроницаемым туманом одинокие вершины, грозовые тучи, и уже теперь, незадолго до заката, можно было временами слышать отдаленные раскаты грома приближавшейся к месту расположения отряда американских войск грозы.

Прошло еще немного времени, и из наползавших неведомо откуда свинцовых туч вдруг хлынули потоки тропического дождя. Даже часовым, выставленным для охраны лагеря, образованного несколькими десятками тяжелых фургонов, пришлось, укрываясь от дождя, покинуть свои места и приблизиться к фургонам.

Только два молодых солдата, которые до поступления в отряд полковника Деванделля были «бродягами прерии» и служили проводниками караванов или курьерами, закаленные и привычные к непогоде, стоически выдерживали обрушившийся на их головы поток дождевой воды. Они только спрятались под нависшую скалу, хоть отчасти защищавшую от яростных порывов ветра и холодного ливня.

– Ну что, Гарри? Ничего не видно? – спросил один из них, молодой красивый парень со смуглым, как у метиса, лицом и блестящими глазами, вглядываясь в туманную мглу, волнами затопившую вход в ущелье.

– Ничего, Джордж! – ответил другой, тоже не спускавший глаз с ущелья: при вспышке молнии было видно, что и у второго траппера такое же смуглое лицо и блестящие глаза. В общем, оба они походили друг на друга, как две капли воды, хотя, по-видимому, Гарри был несколько старше Джорджа, костлявее и чуть шире в плечах.

– И все-таки, брат, я думаю, что тот индеец, который уже трижды пытался пробраться через ущелье, воспользуется этим ураганом, чтобы спуститься в Колорадо и отнести какое-нибудь важное известие одному из трех восставших племен! – промолвил через минуту Джордж.

– Ну, а я думаю, что если он попытается сделать это, то получит от меня такой свинцовый гостинец, после которого ему незачем будет спускаться в Колорадо! – ответил Гарри и затем добавил угрожающе: – Пусть только сунется! Я проучу его!

– Но ты ведь знаешь, что чэйэны не боятся ружейного огня? В этом мы не раз имели случай убедиться!

– Ты прав. Я уже сделал десяток насечек на прикладе моего нового ружья, и каждая обозначает жизнь одного краснокожего, но скажу по совести, эти краснокожие точно сошли с ума, лезут под пули, как слепые, дерутся как черти!

– А у меня семь таких насечек и две раны, которые очень плохо заживают! – ответил Джордж с усмешкой. – Гляди же, гляди в оба! Полковник Деванделль чует, что без схватки здесь не обойтись! Как бы нам не опростоволоситься и из охотников не попасть в положение затравленной дичи.

– А я чувствую, что проклятый индеец полезет-таки напролом, и если только в этот момент блеснет молния, то я постараюсь уложить его, иначе из-за темноты рискую промахнуться. Посмотри, не отсырел ли твой порох? Если я промахнусь, твой выстрел будет как нельзя более кстати!

– Нет! – ответил Джордж. – Я как следует обернул полой мехового казакина[4] приклад моего ружья. Ах, черт возьми! Смотри! Что это? Он, ей-ей, он!

Призрачный свет молнии, голубыми потоками заливший окрестности, озарил небо и землю. Видны были очертания диких скал сквозь завесу дождевых струй в странном колышущемся тумане, и видны были изорванные тучи с фантастическими очертаниями, которые мчались с невероятной быстротой от Иоминга к Колорадо. В тот же момент раздался оглушительный раскат грома и гулко отозвался эхом в горах. Оба солдата, не обращая внимания на ливший потоками проливной дождь, выскочили из-под защищавшей их скалы и бросились к входу в Ущелье Могил. Невдалеке от них, на узкой извилистой тропинке, лепящейся к скале над пропастью, на дне которой рокотал поток, точно привидение, появилась белая статная лошадь с роскошной гривой и великолепным длинным хвостом, а на ней, словно вылитая из бронзы, стройная фигура индейского воина с характерным головным украшением из перьев. Казалось, что всадник держал в руках какую-то ношу.

– Стреляй! Гарри, стреляй! – крикнул младший траппер, вскидывая к плечу ружье.

Два выстрела прозвучали почти в один и тот же момент, и на звуки этих выстрелов отозвались, словно эхо, тревожные крики у фургонов:

– К оружию! Индейцы!

Пораженная двумя меткими пулями трапперов лошадь индейского воина сделала могучий прыжок, промчалась еще несколько шагов до выхода из ущелья, взвилась на дыбы и рухнула на землю, оглашая воздух пронзительным жалобным ржанием. А ее всадник был толчком выброшен из седла вместе с той ношей, которую он держал в своих руках.

Гарри и Джордж бросились на него с ножами в руках, готовые при первом же признаке сопротивления вонзить их в него. Но оглушенный падением индеец и не думал о сопротивлении.

– Товарищи! – обратился Гарри к сбежавшимся на звуки выстрелов солдатам. – Образуйте вокруг нас цепь, об остальном позабочусь я сам!

С этими словами он взял у одного из солдат фонарь и приблизился к индейцу. Злополучный обладатель белой лошади оказался красивым юношей пятнадцати или шестнадцати лет с такой светлой кожей, что его смело можно было принять за метиса, с длинными черными волосами и серо-голубыми глазами, каких никогда нельзя встретить среди чистокровных краснокожих. На нем был костюм настоящего индейца, сына Дикого Запада: мехо-

[4] Короткий кафтан, сшитый в талию, со сборками сзади.

вой казакин с пестрыми узорами, узкие кожаные панталоны с разрезами внизу, украшенные скальпами. Этот оригинальный и по-своему красивый костюм дополняли расшитые мокасины. Пышные черные волосы молодого индейца перехватывал золотой ободок, придерживавший пучок орлиных перьев – отличительный признак высокого происхождения их обладателя.

– Нам, кажется, досталась важная добыча! – сказал Гарри. – Ей-ей! Пусть черт заберет мою душу, если этот индеец не сын какого-нибудь вождя чэйэнов! Ловко!

Несколько опомнившись от тяжелого падения, молодой индеец, уже опутанный петлями лассо, шевельнулся, открыл глаза и бросил на бродягу яростный взгляд, а затем сказал с горечью:

– Гуг! У бледнолицых орлиное зрение!

Он сделал движение, как бы пытаясь освободиться, и поглядел на разбросанные вокруг в беспорядке скалы полным тоски взором.

– Эй, Гарри! – сказал один из солдат. – Смотри, индеец-то, кажется, был не один! Он вез кого-то, иначе он не упал бы, как мешок, потому что ведь ты не попал в него, а подстрелил лишь лошадь.

– Ищите, дьяволы! – вскричал Джордж, —

А мы пока потащим этого молодца к полковнику. Он не спит ведь еще?

– Кажется, нет! – ответил один из солдат. – Всего четверть часа назад он болтал в своей палатке с агентом Джоном Максимом!

– Ну так идем! – сказал Гарри. – А вы тут ищите повнимательнее! Мне и самому, если сказать по правде, показалось, что индеец держал в руках какую-то штуку, вроде, знаете, куклы или ребенка. Этой штуке некуда было деваться. Разве что свалилась к чертям в пропасть?

Трапперы обыскали и обезоружили индейца, который не оказал им ни малейшего сопротивления, понимая, что это было бы совершенно бесполезно, и повели его к лагерю.

Посредине лагеря находилась высокая палатка конической формы. Внутренность этой палатки была слабо освещена фонарем, стоявшим на маленьком походном столике, около которого сидели, оживленно беседуя, два человека.

По-видимому, грохот громовых раскатов и вой бури помешали им расслышать и выстрелы двух часовых, и поднявшуюся вслед за тем в лагере тревогу.

Это были полковник Деванделль и правительственный агент[5] индейских территорий Джон Максим, типичные американские искатели приключений, люди геркулесова телосложения, сильные, костистые янки с резкими чертами лица и почти такой же темной, как у индейцев, кожей.

– Командир! – сказал Гарри, приподымая одной рукой заменявшее дверь полотнище палатки и подталкивая вперед молодого пленника. – Наконец-то мы его поймали! Это, ей-ей, тот самый, который уже три ночи подряд все пытался проскочить из ущелья.

Командир маленького отряда быстро вскочил на ноги и устремил пристальный взор на стоявшего перед ним в спокойной позе индейца, на бронзовом лице которого лежало выражение полного равнодушия. Ничто решительно не выдавало обуревавших пленника мыслей.

– Кто ты такой? – спросил полковник Деванделль индейца.

– Птица Ночи, – спокойно ответил юноша, как будто в этом живописном имени заключалось все, что могло удовлетворить любопытство спрашивающего.

– Ты чэйэн?

– Зачем ты спрашиваешь меня об этом? Разве мое одеяние не говорит тебе и без слов, кто я таков?

---

[5] Здесь: уполномоченный, представитель правительства на индейских территориях.

– Почему ты пытался пробраться мимо нашего лагеря? – переменил тему допроса полковник. – Разве ты не знаешь, что мы сейчас находимся в войне с твоим племенем, точно так же, как с племенем сиу и арапахов?

– Я должен был отвезти Левой Руке, вождю арапахов, его дочь Миннегагу.

– Ты лжешь! Левая Рука ни за что не допустил бы такого безрассудства!

– Гуг! Я повиновался, потому что я воин и не должен рассуждать, когда мне приказывают.

– И где же эта девушка?

– Она выскользнула у меня из рук во время моего падения с лошади и, кажется, погибла, упав на дно Ущелья Могил.

Полковник обернулся к агенту.

– Веришь ты этому, Джон?

– По-моему, он мелет вздор! – ответил тот. —

Я даже уверен, что этот молодец отнюдь не чистокровный индеец. Это, скорей, метис, сын какой-нибудь белой пленницы от индейца племени сиу, чем чэйэн! Разве вы не видите, что глаза его почти голубого цвета, лоб высок, а скулы выдаются сравнительно мало?

И затем, вот еще признак: у него на шее висит маленький голубой камень от «ворот первого человека»[6]. Этот амулет носят только воины племени сиу. Ясно, что этот негодяй собирался ввести нас в заблуждение. Не правда ли?

Полковник не отвечал. Опершись на один из столбов палатки, он с каким-то странным, затаенным, но глубоким волнением смотрел на пленника, продолжавшего сохранять свое безмолвное спокойствие, хотя молодому индейцу, захваченному белыми, прекрасно была известна ожидавшая его участь.

Старый солдат, всегда сохранявший спокойствие в минуты опасности, вдруг неизвестно отчего побледнел, и его лоб покрылся каплями пота.

– Боже мой! – пробормотал он, проводя рукой по лбу.

– Что с вами случилось? – спросил Джон Максим, в первый раз в жизни видя Деванделля таким взволнованным.

– Ты думаешь, что он метис? – спросил полковник, делая усилие, как будто для того, чтобы отогнать от себя какую-то тяжелую мысль. – И думаешь, что он должен принадлежать непременно к племени сиу?

– Я готов прозакладывать мою винтовку против того ножа, который висит у вашего пояса, что это так! – ответил агент. – Его выдал амулет, который он носит на своей груди. Ни арапахи, ни чэйэны не имеют таких амулетов.

– В таком случае нужно заставить его говорить!

– Гм, легко сказать! Эти краснокожие упрямы, как ослы; когда они не хотят говорить, из них не вытянешь ни единого звука!

Молодой индеец слушал этот разговор, не проявляя ни малейшего волнения. Он только сорвал гневным движением предательский голубой камень и швырнул его далеко в сторону.

Полковник два или три раза прошелся вдоль палатки, как бы желая оправиться от внезапно охватившей его тревоги, затем быстрым движением приблизился к пленнику и схватил его за руку.

– Скажи же мне, наконец, кто ты такой: сиу или чэйэн? – спросил он прерывающимся от волнения голосом.

– Я – индейский воин, ставший на тропу войны с бледнолицыми. Этого с тебя довольно! – ответил юноша.

---

[6] Радуга. У некоторых племен краснокожих Северной Америки в большом ходу предметы из камней, отливающих всеми цветами радуги. По индейскому поверью, эти камни – осколки радуги. – *Примеч. авт.*

– Я хочу знать, – настаивал полковник.

Птица Ночи пожал плечами и, казалось, стал с большим вниманием прислушиваться к глухому стуку дождевых капель о поверхность палатки, чем к словам полковника.

– Будешь ли ты, наконец, говорить, несчастный?! – воскликнул рассерженный этим упрямством Деванделль. – Кто был твой отец?

– Не знаю! – ответил после некоторого молчания молодой воин.

– А твоя мать? Была ли она бледнолицей рабыней или женщиной из племени сиу или арапахов?

– Я никогда не видел моей матери! – был ответ.

– Но этого не может быть! – воскликнул полковник.

– Птица Ночи никогда не лжет! – холодно ответил краснокожий.

– Так скажи мне, по крайней мере, какого ты племени?

– Не все ли тебе равно, бледнолицый? Я взят в плен и знаю, каковы законы войны: убей меня, и все будет кончено. Я сумею умереть так, чтобы заслужить милость Великого Духа, который благосклонно примет меня на свои бесконечные луга, полные прекрасной дичи.

– Так ты больше ничего не скажешь мне?

– Нет, бледнолицый!

– В таком случае ты получишь то, что заслужил. Я не настолько прост, чтобы поверить рассказанной тобой истории. Мне очень жаль, по закону войны я должен тебя расстрелять.

Ни один мускул не дрогнул на бронзовом лице индейца.

– Истинный воин не боится смерти! – ответил он гордо. – Я знал, чем я рискую, вступая в войну с бледнолицыми, и теперь, когда Великий Дух отдал меня в твои руки, я сумею без страха встать под пули твоих солдат. Делай же поскорее, что велит тебе твой долг, а я позабочусь о том, как выполнить свой.

Едва только полковник открыл рот, чтобы ответить на эту гордую речь пленника, как у входа в палатку послышался нестройный гул голосов, и точас же внутрь ее просунулась голова солдата.

– Командир! Мы и эту птичку накрыли, – сказал он, вталкивая в палатку полковника Деванделля индианку, девочку лет одиннадцати или двенадцати, стройную, гибкую, как грациозный зверек, обладающую бронзовым личиком с довольно правильными чертами и блестящими глазами.

– Опоздай мы лишь на несколько минут, и она улизнула бы в ущелье, – продолжал болтать солдат, видимо, взволнованный неожиданно удачной погоней за юной индианкой.

Птица Ночи, увидев пленницу, чуть побледнел и сделал жест глубокого отчаяния. Не спускавший с пленника глаз агент уловил и эту бледность, и этот нервный жест индейца.

Обменявшись долгими и выразительными взглядами со снова застывшим в своей гордой позе Птицей Ночи, девочка неожиданным движением выскользнула из рук державшего ее за хрупкие плечи солдата и, приблизившись к полковнику Деванделлю, взглянула ему прямо в лицо вызывающим взором.

– Ты командир этого отряда? – спросила она резко. – Что хотят бледнолицые сделать с моим другом Птицей Ночи?

– Через полчаса его расстреляют! – ответил полковник.

Взор девушки загорелся гневом. Но сейчас же она перевела его на словно окаменевшее лицо пленника. Она глядела на него с глубокой тоской и жалостью.

Полковник тронул за плечо девочку, говоря:

– Ты дочь Левой Руки?

– Да! – коротко ответила, сжимая губы, пленница.

– Где твой отец?

– Спроси у него.

– К какому племени принадлежит твой спутник? Он сиу или арапах?

– Он воин. Вот и все, что я знаю.

Следивший за ходом допроса агент выругался.

– Это не люди, а дьяволы, – сказал он. – Можете пытать их огнем, и эту Ночную Птицу, и эту маленькую змейку, но вы будете только даром тратить время. Правды вы не добьетесь.

– Очень может быть. Но узнать, что же именно заставило этого краснокожего пытаться пробраться по Ущелью Могил, было бы очень важно для нас. Нет никаких сомнений, у него были очень серьезные причины предпринять такую рискованную попытку…

– Так-то так, да все равно вы из них слова не вытянете. Пора покончить. Молодца, конечно, вы прикажите расстрелять, а девчонку покуда задержим! – отозвался ворчливо агент, закуривая новую трубку с таким хладнокровием, как будто здесь не решалась участь по меньшей мере одного человеческого существа.

За долгую боевую жизнь полковнику Деванделлю приходилось не один раз отдавать приказание о расстреле какого-нибудь попавшегося в плен индейского разведчика, и он привык к этому упрощенному способу расправы с врагами. Но на этот раз какой-то внутренний голос протестовал против убийства безоружного, не оказывавшего никакого сопротивления молодого человека, почти мальчика. И старый солдат, словно борясь с самим собой, растерянно пробормотал:

– Расстрелять его… А если бы я сказал тебе, Джон, что я… я колеблюсь?

– Глупости! – отозвался агент хладнокровно. – Велика штука – покончить с краснокожей ядовитой змеей?! Неужели же вас в самом деле может интересовать участь какого-то индейца?

– Не знаю! – нерешительно ответил полковник. – В первый раз я чувствую себя в таком странном положении. Испытываю что-то непривычное. Не могу даже самому себе объяснить, что это. Но мне не хотелось бы расстреливать этого юношу.

– Да вы и не будете сами расстреливать! – цинично улыбнулся агент. – Вы просто махнете рукой, и это уже будет дело рядовых, которые, поверьте, жеманиться не станут! И, наконец, разве вы не знаете, что по законам войны вы, собственно говоря, не имеете права церемониться с такими господами. Это лазутчик, гонец бунтовщиков. Значит, разговор короток. Наконец, чтобы успокоить ваши нервы, предоставьте все это дело мне. Я уполномочен в известных случаях замещать вас. Вы просто на пять минут сдаете командование мне. Покуда я успею докурить эту трубку, индеец отправится туда, откуда никто еще не возвращался, по крайней мере, на моей памяти. А я с удовольствием посмотрю на маленькое представление…

Полковник обескураженно махнул рукой.

Птицу Ночи вывели из палатки Деванделля. Агент, безмятежно покуривая свою вонючую трубку, вышел следом.

Ярость бушевавшего с вечера урагана как будто улеглась. Дождь прекратился. Над окрестностями плыли волны тумана, и ветер, по-прежнему гнавший вверху тучи, словно нарочно, разорвал, разогнал их, дав возможность кроткой луне взглянуть на то, что готовилось свершиться на земле, только что обильно политой слезами неба.

Люди отряда были на ногах все до последнего: они оживленно толковали об удаче Гарри и Джорджа, о захваченных пленниках, они спорили, держа пари, теперь ли, ночью, или на рассвете будет отдан приказ покончить с Птицей Ночи, и когда пленника повели ко входу в ущелье, они гурьбой повалили туда, желая, в свою очередь, поглядеть на картину казни индейца.

Птицу Ночи привязали к небольшому острому пику, напоминавшему по форме ствол окаменевшего дерева. Агент приблизился к нему с трубкой во рту и, не вынимая этой трубки, спросил:

– Ну? Может быть, у тебя развяжется язык хоть теперь?

Индеец презрительно улыбнулся и, не отвечая, устремил прощальный взгляд на стоявшую в десяти шагах от места казни девочку.

Если бы кто-либо взглянул на лицо молодой индианки, его поразило бы, как зловеще было выражение этого полудетского личика. Оно словно застыло. На нем лежала печать спокойствия, но это спокойствие было ужасно…

Шестеро солдат, вызванных сержантом, выстроились перед привязанным к скале пленником и подняли свои ружья.

– Уйди, девочка! – крикнул нетерпеливо Миннегаге агент, вынимая почти докуренную трубку изо рта и сердито глядя на индианку. – Тебе не место тут! Уйди!

Траппер Гарри, в сердце которого как будто шевельнулось чувство жалости к ребенку, взял пленницу за руку и повел ее в сторону. Едва они отошли на несколько шагов, как грохот залпа возвестил о конце, постигшем Птицу Ночи. Пленник умер, не произнеся ни единого слова.

– По местам! – скомандовал агент.

И солдаты, переговариваясь, тронулись к фургонам, как вдруг из ущелья донеслось громкое лошадиное ржанье и великолепная белая лошадь, хозяином которой был только что расстрелянный индеец, появилась у места казни, вся озаренная призрачным, беглым, скользящим светом луны, словно призрак.

– Что за дьявольщина! – воскликнул траппер Гарри. – Значит, мы не уложили ее?

Прекрасное животное на несколько мгновений словно застыло на одном месте, гордо подняв свою шею и глядя на людей огненными глазами, потом зашаталась и, еще раз заржав жалобно и тоскливо, грянулось о землю бездыханным трупом.

Эта сцена произвела тяжелое впечатление на солдат. Они смущенно смолкли и как-то вдруг заторопились покинуть место казни. Агент взял за руку молодую пленницу и, отпустив траппера Гарри, направился с Миннегагой к палатке полковника.

Входя туда, он увидел, что командир отряда сидит на брошенном на землю седле, закрыв лицо обеими руками и погрузившись в глубокую задумчивость.

– Дело сделано! – сказал агент равнодушным тоном. – Пусть черт в аду заботится о том, чтобы установить точно, к какому племени принадлежал Птица Ночи – к сиу, арапахам или чэйэнам, но, так или иначе, одной ядовитой краснокожей змеей, одним врагом у нас стало меньше, и важно только это!

Полковник поднял голову и почти с ужасом взглянул на Джона Максима.

– Умер? – прошептал он чуть слышно. – Неужели же умер?

– Вам, мистер Деванделль, как будто жалко? Господи! Скольких индейцев мы с вами уже спровадили на тот свет? Разве перечтешь? Что же вы теперь так волнуетесь из-за того, что какой-то индейский щенок отправился туда же, куда мы отправляем целыми транспортами индейские души? Наконец, что за сентиментализм? Если бы вы были не солдатом, а миссионером, ну, тогда я понял бы. Это господам в длинных сюртуках к лицу при всяком удобном и неудобном случае пускать слезу и изливаться в речах. Но мы-то с вами отлично знаем цену как миссионерским слезам, так и этим самым индейцам. Ведь борьба идет не на жизнь, а на смерть. Разве индейцы жалеют когда-нибудь тех бедняг белых, которые имеют несчастье попасть им в лапы? Мы еще гуманны: ухлопаем красную собаку, и дело кончено. А они ведь предварительно вдоволь натешатся. Они привязывают пленного к столбу пыток и по целым дням забавляются, подвергая его ужаснейшим истязаниям, таким, что у слабонервного человека при одном рассказе о мучениях жертвы волоса дыбом становятся.

– Так, да, все так! – глухо пробормотал Деванделль явно взволнованным голосом. – Борьба, закон войны и так далее. Но этого молодца я все же был бы готов пощадить.

– Почему, полковник? – изумился агент.

– Не знаю. Говорю же, не знаю, не могу объяснить. Но взгляд этого юноши как-то проник мне в душу, разбудил в ней что-то. Взволновал меня. Знаете, что я теперь испытываю? Мне кажется, представьте, что я выполнил не то, что является законным, а совершил подлое убийство.

– Глупости! – ответил агент. – Говорю вам, глупости. Вы только исполнили свой долг. Вспомните: разве вы не получили приказания, ясного, точного, определенного, не иметь пленников мужского пола? Послушайте, полковник, соберитесь с духом. Вы не ребенок, не слабонервная миссис. Наконец, что сделано, то сделано. Если ваша так называемая совесть бунтует, скажите этой жантильничающей леди, что вся вина на душе агента Джона Максима. Пусть она к нему и предъявит свои претензии, а вас оставит в покое.

– Замолчите, Максим! – внезапно вскочил полковник со своего места. – Знаю, все знаю. И долг, и приказ, нарушение которого было бы вменено мне в вину, и все обстоятельства… Но, Господи, как ужасны эти войны!

Наступило короткое молчание. Через минуту агент промолвил:

– Жаль лошадь! Какую? Ну, ту самую, на которой пытался проскользнуть через ущелье этот самый индеец. Великолепное животное! Клянусь, я бы дорого дал, чтобы иметь такого коня. Но эти черти трапперы подстрелили белую лошадь, как кролика. Было еще чудом, что она прожила, получив смертельные раны, столько времени, имела в себе достаточно сил вновь подняться и подойти почти к самому месту казни. Какая роскошная белая грива! Какой длинный пушистый хвост! Что за гордая шея, красивая голова с огненными глазами! Право, жаль, жаль.

– Ты говоришь, Джон, конь белой масти?

– Да. Размером значительно крупнее мустангов, которыми обыкновенно обладают краснокожие. Хвост буквально стелется по земле.

– Рэд! Мой Рэд! – воскликнул Деванделль взволнованно. – Мне говорило об этом какое-то предчувствие. Грядет беда. Близится час расплаты… Она запоздала, обещанная месть, почти на двадцать лет, но теперь пробил мой час…

Удивленный правительственный агент живо обернулся к полковнику со словами:

– Да что с вами? О чем вы говорите?

Как будто не слушая его, полковник бормотал:

– Да, да! Если это только Рэд, а ведь другого подобного коня нельзя найти в прериях Дикого Запада, то и она близка. Она не замедлит исполнить свою угрозу, стоя во главе сиу.

– О ком это вы? Кто это «она»? – осведомился Джон Максим.

– Ялла! – глухо ответил Деванделль.

– Что за птица?

– После, после! Веди меня туда, где… где лежит убитый конь. Я должен видеть его. Я должен убедиться, Рэд это или только похожий на него мустанг.

Агент, которого беспокоило все возраставшее волнение полковника, поднялся с места.

– Пойдемте! – сказал он. – Но раньше надо позаботиться, чтобы как-нибудь не ускользнула эта красивая маленькая ящерка.

И с этими словами он подвел маленькую индианку к одному из подпиравших палатку столбов и в мгновенье ока привязал девочку к дереву. Потом он взял фонарь и приподнял полу палатки.

– Опять дождь начинается! – пробормотал агент, выходя на воздух.

– Нашим часовым надо держать ухо востро. Сейчас луна еще светит. Но черт гонит откуда-то целую стаю туч, и через четверть часа будет опять темно, как в каминной трубе!

В самом деле, луна, словно испуганная увиденным ею зрелищем казни молодого индейского воина, то выплывала, то скрывалась за покуда разрозненными, но все чаще наплывавшими на ее бледный лик клочками туч, изорванных ураганом, и небольшой кло-

чок чистого неба быстро суживался, а тучи, проплывая над лагерем, роняли слезу, словно оплакивая погибших.

Полковник в сопровождении агента прошел сквозь цепь сторожевых постов, обменявшись паролем и отзывом и предупредив часовых на всякий случай, чтобы не стреляли, когда увидят двух возвращающихся от скалы командиров.

Ночные странники, осторожно пробираясь среди обломков камней, в изобилии устилавших здесь почву, обходя образовавшиеся после вечернего дождя лужи, временами приостанавливаясь и вглядываясь во мглу, где, казалось, реяли какие-то тени, приблизились, наконец, к месту, где был расстрелян молодой воин.

При звуке их шагов ночные птицы заметались во все стороны, беззвучно скользя по воздуху, казалось, кружась около идущих, и полковник вздрогнул: он вспомнил, как после битвы бросаются на изуродованные трупы коршуны, как они выклевывают у мертвецов глаза; он вспомнил, как сбегаются к полям сражений стаи диких собак и шакалов, как они растаскивают по частям человеческие тела…

Невольно он отвернулся, избегая глядеть в ту сторону, где смутно рисовались очертания тела Птицы Ночи, повисшего на опутавших его веревках у скалы.

– Война – это проклятье! – пробормотал Деванделль.

– Война – неизбежность! – холодно ответил агент.

– Я почти готов поклясться, что мы расстреляли не индейца!

– Так кого же?

– В его жилах, вне всякого сомнения, текла кровь белого. Кто был отцом этого юноши? Какую женщину называл он своей матерью? Где они теперь? Может быть, ждут сына… А мы убили его!

– Не мы, полковник! – отозвался агент. – Его убила война!

Минуту спустя агент рукой показал на место, где лежала какая-то белая бесформенная масса. Это был труп лошади, подстреленной трапперами Гарри и Джорджем. Полковник почти вырвал из рук своего спутника фонарь, кинулся к трупу лошади, освещая его огнем фонаря, и крик печали и тоски сорвался с его уст.

– Рэд, мой благородный Рэд, мой любимый конь! – произнес он. – Я узнаю тебя, старый друг, хотя столько лет прошло с тех пор, когда я в последний раз видел тебя!

– Гм! Значит, эта лошадь почтенного возраста! – несколько иронически пробормотал Джон Максим.

– Видел ли ты когда-нибудь лошадь, равную по красоте и благородности форм этой? – отозвался Деванделль взволнованным голосом.

– Пожалуй, нет! – признался агент.

– Конечно же, никогда не видел. Потому что ведь это легендарный белый конь прерий. Тот конь, о котором ходит столько чудесных рассказов. Конь, который когда-то был – да, был – моим конем, больше – моим другом. Но как он мог попасть сюда, так далеко от того места, где я оставил его? Как он мог стать собственностью этого молодого убитого нами индейца? Что означает его появление здесь? Ей-богу, кажется, я начинаю с ума сходить. Не знаю, какая связь существует между всем случившимся сегодня и моей судьбой, но поневоле меня охватывает тревога за участь моих детей.

– Пфа! – перебил его агент. – Вы преувеличиваете, командир! Ну какая опасность может грозить вашим детям, которые ведь, насколько мне известно, находятся очень далеко отсюда, на вашей гациенде, охраняемой целой толпой слуг.

– Да, да. Гациенда далеко! – бормотал, не спуская печального взора с трупа благородного белого коня, старый солдат. – И там целая толпа преданных мне слуг, которые, конечно, будут защищать мое имущество и моих детей. Но разве против нас не поднялось сразу три индейских племени? Разве мы гарантированы, что восстание не разольется рекой Бог знает

как далеко, заливая и те территории, которые мы считаем совершенно безопасными? Разве индейцы не обладают дьявольским умением совершать чудовищно огромные переходы и обрушиваться на поселки белых там, где их менее всего ожидают? И потом, эта женщина, Ялла!… Ты не знаешь, что это за существо!

– Женщина! – отозвался хладнокровно агент. – А всякая женщина может сорок очков вперед дьяволу дать. Уж это я знаю отлично.

Наступило молчание. Кругом царила почти могильная тишина. Только откуда-то издалека доносился визгливый вой койота, трусливого маленького волка североамериканской прерии.

– Не ошибаетесь ли вы, командир, однако, принимая этого коня за какого-то Рэда? – сказал агент. – Ведь вы сами говорите, что много лет не видели своего Рэда. Разве можно быть уверенным, что нет никакой ошибки, когда кажется, что узнаешь животное, виденное два десятка лет тому назад?

– Для меня не может быть никаких сомнений! – ответил печальным голосом Деванделль. – Достаточно только взглянуть на этот могучий корпус, на стальные ноги, на благородную голову, чтобы убедиться… Нет, это он, это мой милый, мой любимый верный конь!

– Послушайте, командир! – прервал его сетования агент. – Ну, ладно. Пусть так. Но вы, ей-богу, только раззадорили мое любопытство. Так не делают. Вы должны мне все рассказать. Конечно, если это только не секрет.

– Нет, какой же секрет? Это старая и грустная, бесконечно тяжелая для меня история, но я не вижу причин скрывать случившееся тогда, когда я был молод. Пойдемте, однако. Здесь делать больше нечего. Завтра утром распорядитесь, чтобы и коня, и его всадника зарыли солдаты в одной яме. Я не хочу, чтобы их трупы терзали хищные птицы и койоты.

– Не волнуйтесь. Я вижу, что вы действительно в странном настроении.

– Ничего. Теперь мне как будто легче. А когда я расскажу все, думаю, у меня и еще легче на душе станет. Я в этом нуждаюсь. Меня угнетает тяжелое предчувствие. Мне все кажется, что вот-вот надо мной разразится гроза, которую я жду давно, с молодости. Может быть, нам утром придется пережить какую-нибудь ужасную опасность.

– Ба! Нападение индейцев?

– Хотя бы это.

– Лишь бы не застали врасплох. Но я распоряжусь удвоить сторожевые посты, а на отряд, который так хорошо охраняется, да еще находится в столь выгодной позиции, индейцы никогда не нападут, разве только тайком.

Полковник и Джон Максим, неся с собой фонарь, вернулись к лагерю.

Часовые, узнав своих начальников, пропустили их внутрь. Проходя сторожевую цепь, полковник имел возможность убедиться, что лагерь действительно хорошо охраняется и что внезапного нападения сиу опасаться не приходится, покуда, по крайней мере, часовые не утомятся. Но он мог, кажется, рассчитывать на своих людей: в маленьком отряде не было ни единого человека, который не сознавал бы, как опасно положение и как необходимы все меры предосторожности.

Войдя в палатку, Джон развел прямо на полу небольшой костер, бросил беглый взгляд на Миннегагу, которая, казалось, спала глубоким сном, затем вытащил из походного сундука бутылку джина и, наливая два больших стакана, сказал, обращаясь к Деванделлю:

– Вот, выпейте-ка этого зелья, полковник! Оно мигом согреет вашу душу и пошлет к дьяволу все ваши черные думы!

Полковник залпом опорожнил поданный ему стакан и бессильно опустился в стоявшее рядом седло. Агент поместился тут же, около него.

– История, которую я хочу вам рассказать, – начал через несколько минут Деванделль, – случилась двадцать лет тому назад. Как и многие другие искатели приключений, я начал

свою карьеру бродяжничеством по прериям. В то время индейцы еще не ненавидели людей белой расы с такой силой, как сейчас, нередко даже заискивали перед ними, так как только от бледнолицых они могли получить необходимые для них оружие и одежду, а также всякого рода спиртные напитки, до которых они большие охотники. Правда, иногда слишком отважные трапперы, пробиравшиеся в необозримые прерии Дальнего Запада дальше, чем следовало, не возвращались больше назад и оставляли свои окровавленные скальпы в руках краснокожих. Но это бывало сравнительно редко и лишь в очень немногих случаях служило поводом для обострения отношений.

Уже тогда я считался хорошим стрелком, и мои охотничьи подвиги снискали мне большую популярность среди разных индейских племен, с вождями которых я находился в самой тесной дружбе.

Однажды, скитаясь по прериям в поисках добычи, я, совершенно неожиданно для себя, забрался в такую глушь, которой раньше никогда не видывал, и здесь наткнулся на большой отряд сиу, видимо, выехавший на разведку.

– Ого! – вставил агент, набивая и закуривая трубку. – Эти дьяволы и двадцать лет тому назад не особенно-то долюбливали нашего брата!

– Совершенно верно, Джон. Поэтому, когда я был схвачен, я уже заранее считал себя приговоренным к смерти и мысленно рисовал все те пытки, каким я должен был подвергнуться согласно индейским обычаям.

– Какому же чуду я обязан удовольствием слушать сейчас ваш рассказ, мистер Деванделль? – снова вставил, смеясь, агент.

Деванделль ничего не ответил на эту шутку и, помолчав с минуту, продолжал:

– Знаком ли ты с очень распространенной среди индейцев легендой о большой белой лошади?

– Да, мне не раз приходилось слышать от охотников Дикого Запада, а также и от индейцев, будто они видели в прериях, среди диких мустангов, удивительно красивого белого коня, который, по их рассказам, отличается такой невероятной быстротой и ловкостью, что все усилия самых лучших охотников поймать его терпели полную неудачу.

– Верил ли ты этой легенде?

– Признаться, не очень. Я считал ее просто одной из тех историй, которые рассказываются в прериях во время ночных бдений у костра, когда бессонница или опасность поневоле отнимает возможность забыться сном.

– Как видишь, ты ошибался, мой друг! Белая лошадь действительно оказалась реальным существом, а не одним только плодом охотничьего воображения.

Джон Максим с некоторым сомнением тряхнул головой и затем ответил:

– Продолжайте, полковник! Ночь все равно уже потеряна. Послушаем, что случилось с вами дальше.

– Итак, – возобновил свой рассказ Деванделль, – я уже считал себя погибшим, как вдруг в один прекрасный день в служивший мне тюрьмой вигвам вошел вождь захватившего меня в плен индейского племени, по имени Мога-ти-Ассах, и сказал мне:

– В наших прериях появился большой белый конь, которого никто из моих воинов не мог поймать и привести ко мне. Я много слышал о твоей ловкости, и вот я хочу предложить тебе поймать для меня этого коня. Если ты сможешь сделать это, я не только пощажу твою жизнь, но и дам тебе в жены мою дочь Яллу, которая считается самой красивой девушкой Дальнего Запада. Если же тебе не удастся, то я прикажу привязать тебя к столбу пыток и твой скальп украсит мой щит.

– Гм! – буркнул агент. – Положение не из завидных.

– Разумеется, – продолжал рассказчик, – я принял это предложение, хотя мне и не особенно улыбалась перспектива стать мужем молодой индианки.

Я рассчитывал на то, что мне удастся каким-нибудь образом, в случае неудачи моей миссии, бежать и найти себе защиту у другого племени, более гостеприимного, чем сиу.

На другой же день я выехал на необозримую равнину прерий в поисках знаменитого коня, который должен был спасти мне жизнь. Однако я сразу заметил, что бежать мне будет не так-то легко. По пятам за мной следовало несколько человек индейцев, обязанных следить, чтобы я не обманул их вождя.

Несколько недель блуждал я по бесконечной равнине прерий, отыскивая следы диких степных мустангов, и несколько раз натыкался на большие табуны, но таинственного белого коня среди них не было. Я уже отчаялся добиться каких-нибудь результатов, как вдруг однажды утром мне случайно встретилась небольшая группа лошадей, среди которых выделялось великолепное сильное животное с белой, как снег, шерстью, сверкающей на солнце серебром.

Итак, легенда оказалась не пустой выдумкой. Белая лошадь действительно существовала, и оставалось только поймать ее. Но как сделать это? Та часть прерий, в которой я встретил легендарное животное, была на целые недели пути совершенной пустыней, и мои стражи-индейцы, зная это, оставляли меня одного искать прельстившую их вождя лошадь. Я был, следовательно, одинок, а справиться с такой задачей, как поимка дикой лошади, одинокому человеку не представлялось никакой возможности. Пока я, вернувшись назад в индейский поселок, взял себе на подмогу несколько человек индейцев, белая лошадь уже исчезла. Пришлось вновь выслеживать ее.

Эта неудача меня нисколько не обескуражила, и я снова бросился на поиски, надеясь подстеречь-таки ускользавшую от меня лошадь или же выбрать удобный момент и бежать, спасая свой скальп от чрезмерного внимания краснокожих воинов.

В этих поисках прошло еще несколько дней. Я уже решил, что лошади мне не видать как своих ушей, и начал придумывать наиболее безопасные способы бегства, как однажды вечером, перед заходом солнца, проезжая мимо небольшого перелеска, я опять увидел предмет моих поисков – мирно пасшегося в обществе десятка других степных мустангов белого коня.

При моем появлении весь табун бросился бежать прежде, чем я успел схватиться за лассо, и вдруг к своему изумлению я увидел, что белая лошадь, которую я так долго искал, стоит у какого-то дерева, словно привязанная к нему канатом. Доскакать до этого дерева было для меня делом одной минуты. Я соскочил с коня и очутился лицом к лицу со зрелищем, которого никогда не забуду: великолепный белый мустанг стоял, словно прикованный к стволу дерева черной плетью, захлестнувшей его могучее тело. Это была гигантская змея, страшный боа.

Первой моей мыслью при виде этого чудовища было убить змею ружейным выстрелом, но сейчас же я сообразил, что таким образом я легко мог бы поразить и лошадь, выбивавшуюся уже из сил в стальной петле, все сильнее и сильнее сжимавшей ее тело. Тогда, повинуясь странному чувству непреодолимой, симпатии к погибающему белому коню, я ринулся в бой с душившим его пресмыкающимся, вооружившись одним только ножом, острым, как бритва. Это было делом нескольких секунд: боа не хотел выпускать свою добычу, но оборотился ко мне, яростно шипя и грозя обвить свободной верхней частью своего гибкого туловища и меня, но страшная рана, нанесенная ему в шею пониже головы моим ножом, заставила его спрятать голову. Этим он подставил мне свое брюхо, и я распорол туловище змеи на полметра, потом почти перерубил его, не коснувшись тела коня. Итак, чудовище леса было побеждено. Его длинное гибкое тело, истекая кровью, упало, разжав петлю, к ногам коня. Одним ударом я отсек отвратительную голову и ногой швырнул ее в сторону. Во время этой фантастической борьбы белый конь, задыхаясь, глядел на меня умоляющими глазами, ржал, словно прося избавить его от живой петли, даже пытался лизнуть меня язы-

ком. Признаюсь, когда змея была убита, у меня не хватило бы духу наложить руку на вольного мустанга прерий: он только что избавился от ужасной опасности, от гибели, и было как-то стыдно, воспользовавшись этим, взять его в неволю.

Но, освободившись, мустанг не тронулся с места: он стоял возле меня, тихо и ласково ржал, он клал свою благородную голову мне на плечо, он тянулся ко мне, ласкаясь. Он был моим, но не пленником, не рабом, а другом, добровольно оставшимся вместе со мной.

В этот день мы впервые вместе носились по бесконечному простору прерий. Боже, что это была за скачка! Я, не встретив сопротивления со стороны коня, одним прыжком вскочил на его широкую спину, держась руками за роскошную гриву, и он помчался стрелой. Казалось, он плывет могучими прыжками по воздуху, не касаясь земли ногами. Ветер свистел у меня в ушах. Взор не успевал улавливать очертаний предметов, мимо которых мы проносились. Холмы и долины, ручьи и болотца, луга и перелески – все это мелькало мимо, мимо. А мы неслись, неслись!… Право, я испытывал такое чувство, будто у моего коня пара крыльев и он носит меня по своему царству, по роскошной прерии, с гордостью показывая мне свои владения.

И вот, тихонько направляя его, я приблизился к лагерю сиу.

Он не испугался, не остановился перед человеческим жильем. Гордо и смело, совершенно спокойно, как будто возвращаясь домой, он вступил в лагерь индейцев. Это было поразительно, это граничило с чудесным, и индейский поселок устроил мне настоящую овацию, окружив меня, любуясь моим несравненным, волшебным конем.

Мога-ти-Ассах, великий сахем племени, приблизился ко мне и сказал:

– Маниту покровительствовал тебе, и твоя жизнь будет отныне священной для каждого воина моего племени. Ты мой сын, потому что я поклялся воротами первого человека, что отдам свою дочь в жены тому, кто добудет белого коня прерий. Ялла твоя. Возьми ее.

– И он дал тебе в жены какую-то индейскую ведьму, грязную, косматую краснокожую бабу с жесткими, как у лошади, волосами и скуластым лицом, словно высеченным топором из камня? – спросил, улыбаясь, агент.

– О, нет! – ответил полковник. – Ялла была красавицей в полном смысле этого слова даже с европейской точки зрения. Я видел много красивых девушек среди индеанок, но никогда ни одна из них не могла сравниться с моей Яллой. Только одно отличало ее от женщин нашей расы – говоря, конечно, о наружности, – это бронзовая окраска кожи. Она все же была индианкой, я – сыном белой расы. Но с этим можно было бы примириться, если бы не голос крови, разделявшей нас: Ялла, красавица Ялла, была чистокровной индианкой, и по характеру она была истинной дочерью своего дикого, неукротимого, кровожадного, беспощадного племени, самого страшного из всех индейских племен Северной Америки. Весь ее внутренний мир стоял в непримиримом противоречии с моим внутренним миром, с моими воззрениями и убеждениями. Право, временами мне казалось, что моей женой стала не женщина, дитя земли, а мстительное существо другого порядка, какое-то исчадье ада. Довольно скоро между нами разверзлась пропасть взаимного непонимания, взаимного раздражения. Но Ялла предъявляла свои права на меня: в ней вспыхнула роковая страсть, дикая, неукротимая ничем ревность ко мне, сжигавшая ее душу. Не буду описывать те сцены, которые она мне устраивала на этой почве. Но кончилось тем, что я выбрал бурную и темную ночь, оседлал моего верного коня, этого самого белого мустанга прерий, и покинул лагерь сиу.

Гнались ли за мной? Не знаю.

Может быть, все племя погналось за моим белым конем, но он несся, словно на крыльях.

И вот я снова был среди братьев, среди белых.

И пережитое в прериях, и месяцы бродячей жизни с покинутой мною Яллой показались каким-то кошмарным сном. В это время вспыхнула война с Мексикой. Я отправился

туда волонтером, я дрался за мою родину. В Соноре я встретил молодую и прекрасную женщину, мексиканку родом, и она стала моей женой, я нашел то счастье, поиски которого в прерии оказались столь неудачными для меня. Там же, в Соноре, я поселился, основав обширную гациенду на землях, полученных в приданое моей женой. Это та самая гациенда, которая тебе, Джон, известна.

– Ну, а твоя прежняя жена? Эта самая Ялла? Ты так ничего и не слышал о ней с того времени, как удрал из поселка сиу?

– Подожди. Прошло несколько лет. Я предался целиком заботам о воспитании моих двух детей, Джорджа и Мэри: моя жена, к моему горю, слишком рано умерла, и дети остались на моих руках.

Я жил мирной и спокойной трудовой жизнью, никем не тревожимый. Но вот однажды до моего жилища долетели вести неведомо откуда. На частоколе, окружавшем мою усадьбу, рабочие как-то утром обнаружили пучок индейских стрел с окровавленными концами, перевязанных змеиной шкурой.

– Знак, что враг поклялся отомстить и сдержит свое слово!

– Да. Своего рода заявление: берегись, я не забыл, я не дремлю!

– Значит, эта индейская ведьма разыскала-таки тебя?

– По-видимому, да. Я находился в Соноре, на территории, где кишат арапахи. Но это племя давно уже как будто успокоилось, признав бесполезность борьбы. С их вождями я был в наилучших отношениях. Арапахи считались во вражде с сиу. Все это до известной степени гарантировало мою безопасность. Но Ялла или посланные ею разведчики нашли меня и среди арапахов оповестили меня об этом. И они достигли своей цели: с этого момента моя жизнь обратилась в сплошную пытку.

Нет, я не боялся за себя.

Разве я не солдат? Разве я не видел десятки раз смерть лицом к лицу? Разве я боялся умереть? Нет и тысячу раз нет!

Ведь умирают только один раз, и когда-нибудь нужно же умереть?! Но я дрожал за жизнь моих детей.

Я знал, как изобретательны сиу, особенно женщины этого племени, когда речь идет о том, чтобы придумать месть помучительнее, поужаснее. Ялла знала, что я безумно люблю детей, и она могла воспользоваться этим слабым местом, выместив на детях свою злобу, свою ненависть к их отцу.

И я не ошибся: следом за таинственным зловещим «вестником мести» на меня начали обрушиваться беды.

Трижды неведомо откуда налетавшие и неведомо куда скрывавшиеся неуловимо быстрые индейские отряды пытались поджечь мою факторию. Дважды в меня летели пули и стрелы, когда я охотился в прерии.

Признаюсь, меня это утомило.

Я был уже немолод. Я устал. Наконец, мои дети… Я не мог без содрогания подумать о том, какая участь постигнет их, если чья-нибудь предательская рука убьет меня и я оставлю их одинокими, словно в змеином гнезде.

Я уже пришел к решению расстаться с моей богатой гациендой, ликвидировать дело и переселиться с детьми в какой-нибудь из восточных штатов, где нет краснокожих. Но тут вспыхнула эта знаменитая давно предсказанная война красных против белых, поднялись многие племена индейцев; правительство, застигнутое врасплох, призвало под знамена всех старых солдат, которых могло немедленно мобилизовать в близких к театру действий местностях, и мне пришлось покинуть мою усадьбу и идти сражаться. И вот мы тут. Наш отряд, ничтожный численно, имеет поручение величайшей важности, потому что мы преграждаем путь индейцам племени сиу. Остальное ты знаешь.

– Но… но как этот белый мустанг мог попасть сюда? – осведомился правительственный агент.

– Я забыл сказать, – ответил полковник, – что уже много лет назад Рэд исчез загадочным образом во время нападения индейцев на мою гациенду. По-видимому, его увели с собой нападавшие, и тщетно я искал мою любимую лошадь. Она пропала бесследно. И вернулась, чтобы я увидел ее только в виде трупа.

Как могли индейцы увести лошадь?

Для меня это было ясно: дело в том, что с момента появления Рэда в поселке сиу Ялла, казалось, задалась мыслью отнять привязанность моего коня ко мне. Она ласкала Рэда, она ухаживала за ним, и я должен признаться, что в последние дни моего пребывания среди сиу Рэд охотнее слушался Яллы, чем меня; он скучал, когда не слышал звуков зовущего его голоса Яллы. Вероятно, Ялла была среди нападавших и Рэд послушался ее зова.

После краткого молчания правительственный агент заговорил снова:

– У вас были дети от этой… индианки?

Полковник вздрогнул и как будто со страхом поглядел на спрашивающего.

– Не знаю. Не знаю! – растерянно бормотал он. – Ведь я недолго жил с ней. Я покинул становище сиу ровно через три месяца после свадьбы с Яллой.

Джон Максим подбросил полено в потухавший уже маленький костер, разложенный на полу палатки, набил трубку табаком, наполнил вином стаканы и сказал:

– Дела, делишки… Настоящий узел! Путаница сверхъестественная! Но теперь и для меня ясно, что здесь дело не так просто, как мне казалось сначала. Кроется тут какая-то довольно, признаюсь, скверная загадка, и нам нужно во что бы ни стало раскрыть ее, а то мы жестоко, быть может, поплатимся. И, знаете, пожалуй, нам-таки придется признать, что я слишком поторопился, расстреляв этого индейского молодца. Право! Пожалуй, было бы лучше придержать его, порасспросить. Конечно, из них слова не вытянешь добром. Но мало ли способов заставить человека обмолвиться, проговориться? Но теперь, конечно, дела не поправишь. Пуля что воробей. Вылетит – не остановишь… Но я утешаюсь тем, что ведь у нас остается еще одно змеиное отродье, эта девчонка.

– Что ты думаешь делать с нею? – тоном упрека отозвался полковник. – Не забывай: это ребенок! Правда, краснокожие не стесняются, и если им в руки попадает дитя белых, нет таких мук, которым они не подвергали бы ненавистных потомков белой расы. Но ведь мы-то с тобой не индейцы, не дикари.

– Гм! Посмотрим. Во всяком случае, девчонка очень хитра, и держу пари на какую угодно сумму, она знает очень многое, знает то, что нам нужно позарез. Попробуем расспросить змееныша добром!

Джон Максим встал и подошел к Миннегаге.

Девочка лежала у столба, к которому она была привязана, и казалась спящей. Но ее веки трепетали; а когда ни полковник, ни агент не глядели на нее, Миннегага открывала на мгновенье глаза и взор ее с ненавистью впивался в фигуры двух мужчин.

Джон Максим склонился над пленницей, но в это мгновенье где-то поблизости прогрохотало два ружейных выстрела и в то же время донесся тревожный крик:

– К оружию! Индейцы!

– Проклятая ночь! – пробормотал агент, хватаясь за свой карабин. – Идемте, полковник? – обратился он к задумчиво и рассеянно глядевшему печальным взором на Миннегагу командиру.

За палаткой слышались голоса разбуженных и тревожно перекликавшихся солдат, однако ни ружейных выстрелов, ни крика о близости индейцев больше не повторялось.

– Что случилось? – обратился полковник Деванделль к подвернувшемуся неподалеку от палатки сержанту. – Нас атакуют? Люди уже на местах? Где индейцы?

– Никак нет! – ответил спрошенный успокаивающим тоном. – По-видимому, это была ложная тревога. Никто не слышал боевого крика сиу.

– А кто сторожил ущелье? – осведомился Деванделль.

– Гарри и Джордж, трапперы.

– Значит, что-нибудь да случилось! – озабоченно пробормотал Деванделль. – Трапперы слишком хорошие разведчики, чтобы поднять тревогу попросту. Кстати, вот один из них.

– В чем дело, Гарри?

Вышедший из-под навеса скалы траппер ответил:

– Командир! Этой ночью случаются, ей-Богу, престранные вещи! Сиу должны быть где-нибудь совсем близко отсюда. Вот один из них. Он наткнулся на мою пулю, которая уложила его рядом с белым конем!

Мгновение спустя из уст правительственного агента вырвался крик изумления:

– Один индеец, в самом деле, лежит тут. Но где же другой?

– Какой? – живо обернулся полковник.

– Ну, тот самый, которого мы застрелили. – Птица Ночи! Где его труп? Ведь он был привязан именно к этой скале. А теперь место пусто.

Полковник оглянулся и убедился в том, что агент прав: трупа Птицы Ночи не было ни у скалы, ни поблизости от нее. Наверное, лазутчики индейцев, пользуясь мглою ночи, прокрались-таки мимо сторожевых постов и унесли тело молодого воина.

Гарри и Джордж, сконфуженные этим обстоятельством, неистово ругались: краснокожие ухитрились не только проскользнуть сюда мимо них, но даже украсть труп, унести его… Это было позором для разведчиков!

Полковник, не обращая внимания на пререкающихся трапперов, взял из рук агента фонарь и направился к трупу белого коня.

То, что он искал, было в полудесятке шагов: рядом с телом Рэда лежал труп индейца средних лет могучего сложения, со свирепым лицом, черты которого были обезображены татуировкой и искажены предсмертной судорогой. Все нагое тело убитого блестело: отправляясь на рискованное предприятие, воин племени сиу вымазался с ног до головы маслом, чтобы сделаться скользким, как угорь. И он лежал, полууткнувшись лицом в землю, протянув руки по направлению к коню. Казалось, он и сейчас тянется к толстой голубой попоне, покрывающей спину Рэда вместо седла.

– Ага. Вот то, что эта змея хотела уничтожить! – раздался голос правительственного агента, который, опередив Деванделля, уже схватил вытянутую руку убитого индейца. – Надеюсь, в этом мы найдем кое-что, что поможет нам разобраться. Пусти!

И агент, с усилием разжав застывшие, судорожно сжатые пальцы мертвой руки, выхватил клочок измятой бумаги.

На крик агента словно эхом откликнулись зловещие звуки из Ущелья Могил: там кто-то засвистел, давая, очевидно, сигнал.

– Иккискот! – послышались взволнованные голоса солдат, сопровождавших полковника к месту казни молодого индейца.

Лица всех побледнели. Невольная дрожь потрясла тела закаленных в боях людей. Какая-то жуть охватила их души. И все это сделало только одно единственное, так странно звучащее слово: «Иккискот».

Иккискот – это боевой свисток некоторых индейских племен Северной Америки. Им пользуются краснокожие, переговариваясь при помощи известным образом комбинируемых звуков иккискота на далеком расстоянии, готовясь к нападению или отступая. Но чаще всего воины, обладающие этим свистком, пускают его в ход в самый разгар боя. И над местом побоища тогда раздаются пронзительные звуки, ни с чем не сравнимые. И тому, кто слышит эти звуки, чудится, что это шипение гремучей змеи и свист летящей стрелы, яростный вопль

убийцы, наносящего последний удар уже беззащитной жертве, и ее предсмертный стон – быть может, голос из могилы.

Самое происхождение иккискота ужасно: убив своего врага или запытав его до смерти на столбе пыток, индеец сначала скальпирует убитого, потом отсекает от трупа ноги. Из берцовой кости, дав обглодать все мясо красным муравьям, он затем устраивает своеобразную трубку или огромный свисток, с которым почти не расстается, особенно если предстоит встреча с врагами.

У иного знаменитого воина какого-нибудь свирепого племени имеется в хижине целая коллекция таких свистков. И по вечерам воин снимает их со стены вигвама, где они развешены в порядке, перетирает, пробует, продувая, и бормочет про себя, вспоминая историю того, как и когда именно эта кость, белая, как слоновая, гладкая, словно отполированная, украшенная зарубками и насечками, попала ему в руки.

«Он убил моего отца, но я подстерег и заколол его копьем, и я отрубил его правую ногу, когда он еще издыхал, и унес с собой!»

Когда такой «коллекционер» умирает, в огромном большинстве случаев все собранные им лично иккискоты хоронятся вместе с ним. Но иногда, если его сыновья еще малы и сами не могут добыть для себя иккискот, отец оставляет свою коллекцию детям. Впрочем, только до того момента, когда дети сами «выроют топор войны» и пойдут «по тропе сражения» на добычу иккискотов: запасшись новыми трофеями, они должны старые, служившие отцу, зарыть в его могилу.

У некоторых племен, или, правильнее, родов, иккискот, наоборот, становится реликвией всего рода, и целые группы человеческих берцовых костей, преобразованных в свистки, украшают стены и потолок хижины совета.

Теперь, разумеется, когда индейцы сломлены и кровопролитные войны их между собой и с бледнолицыми отошли в область преданий, добывание новых иккискотов стало почти невозможным, по крайней мере, очень затруднительным, и индейцы прячут ужасные свистки от взоров белых. Но поройтесь в их домашнем хламе, даже в какой-нибудь резервации, где существует уже устроенная американцами школа, где живет врач и миссионер, и в огромном большинстве случаев вы-таки найдете тщательно запрятанный иккискот.

Только не спрашивайте, нов ли он или унаследован от предков: сказать правду индеец не может…

Но когда около резерваций находят чей-нибудь труп, очень часто у этого трупа оказываются отрубленными ноги. Кости понадобились для сооружения свежего иккискота.

Теперь нашему читателю будет понятно то чувство, которое испытывали люди маленького отряда полковника Деванделля в эту бурную и тревожную ночь, слыша переливчатые, зловещим эхом отдающиеся в горах звуки ужасного иккискота индейцев племени сиу…

– По местам, ребята! – отдал приказ сбежавшимся солдатам полковник Деванделль. – Рассыпьтесь за скалами у самого горла ущелья, тщательно укрывшись. Придется стрелять – целься метко, дорожи каждой пулей. Придется схватиться врукопашную – поддерживай друг друга. Позиция превосходна. Десять человек за этими камнями могут выдержать натиск целой сотни врагов. Справимся и на этот раз, как справлялись раньше, но, разумеется, надо держать ухо востро…

Исполняя приказание, солдаты почти моментально заняли указанные места. Тем временем полковник обратился к правительственному агенту со словами:

– Эта бумажка, за которую поплатился жизнью еще один краснокожий, у тебя? Ну, так пойдем в палатку на минуту. Нападение последует не сию минуту, у нас хватит времени разобрать, что содержит в себе и кому адресовано это загадочное послание.

И они скрылись внутри палатки.

А во мгле ущелья, казалось, скользили тени-призраки, и время от времени вдруг доносился до лагеря зловещий звук свистка. Это разговаривали ужасные иккискоты индейцев племени сиу, готовившихся к бою со своими смертельными врагами, бледнолицыми…

III
Нападение сиу

В то время как волонтеры и солдаты отряда полковника Деванделля занимали заранее выбранные места среди скал, сам командир в сопровождении правительственного агента уже добрался до своей палатки.

Маленькая пленница не шевельнулась при их входе в палатку. Она спала или, по крайней мере, притворялась спящей.

– Давай сюда бумагу! – обратился к Джону Максиму полковник, которого, казалось, била лихорадка: с таким нетерпением тянуло его к таинственному документу.

– Вот она! – ответил Джон, протягивая Деванделлю измятый клочок. – Я не я буду, если эта штука не окажется очень важна для нас. Иначе этот дьявол, краснокожий, не рисковал бы из-за нее собственной шкурой!

Старый солдат взял бумажку дрогнувшей рукой, тщательно расправил ее и поднес к глазам. В то же мгновенье болезненный стон вырвался из его груди и он схватился за голову.

– Я говорил, я говорил тебе это! – вскрикнул он.

– Что случилось? – всполошился агент.

– Мои дети, мои несчастные дети!

– Да что такое случилось?

– Смотри сам. Мои дети похищены. Или, по крайней мере, к тому идет дело. В этой бумаге содержится распоряжение Левой Руке, вождю арапахов, и Черному Котлу, другому вождю, похитить моих детей, напав на факторию, а потом присоединиться к восставшим чэйэнам.

– Распоряжение? От чьего имени?

– От имени моей бывшей жены, Яллы. Мои несчастные дети! Я так далеко от них, я ничем, решительно ничем не могу помочь им, защитить их.

И полковник, чуть не рыдая, опустился у походного стола и спрятал лицо в руках.

Правительственный агент, тоже взволнованный, но все же более владевший собой, выглянул из палатки, прислушался, убедился, что звуки ужасного иккискота смолкли и кругом царила тишина, может быть, затишье перед бурей, налил джин в стакан и поднес его безутешно горевавшему Деванделлю со словами:

– Оправьтесь, командир! Прежде всего, хлебните-ка вы этой штуки. Джин отлично согревает, печальные мысли разгоняет, мозги проясняет. Пейте же, потом и я хлопну стаканчик! Затем, покуда сиу оставляют нас в покое, давайте поговорим, посовещаемся немного. Прежде всего, из-за чего вы всполошились так? Ну, ладно! Эта индейская ведьма отдала такой приказ. Так. Но от чаши до уст, сами знаете, далеко. Во-первых, как видите сами, вы ухлопали двух краснокожих. Сам «ордер» в наших руках и не дошел по назначению. Распоряжение Яллы, значит, не может быть исполнено. До вашей фактории, слава Богу, очень далеко. Потребовалось бы немало времени для любого гонца. А мы ведь тоже дремать не будем. Можем сами послать кого-нибудь предупредить о грозящей опасности.

– Сиу могли послать не одного гонца, а двух или трех.

– Может быть. Но мы бы видели их. А согласитесь, наши солдаты сторожат недурно. Уж если эта Птица Ночи на превосходном коне попалась под наши пули, то другие птицы имели бы еще меньше шансов проскользнуть незамеченными.

– Ты забываешь, что они могли послать своих гонцов не по одному направлению. Какой-нибудь лазутчик мог избрать более длинный путь по горам, переползая со скалы на скалу змеею, а потом, обойдя наш лагерь, раздобыть мустанга и помчаться по назначению с быстротой стрелы. А как быстро индейские разведчики исполняют поручения, ты знаешь и

сам. Они мчатся днем и ночью, останавливаясь для отдыха лишь на очень короткое время, на два-три часа. Они меняют в пути лошадей, бросают утомленных, берут свежих, благо, в степях еще нетрудно найти целые стада мустангов, и опять мчатся…

– Ваша правда, полковник! – взволнованно отозвался агент. – Об этом, признаюсь, я как-то не подумал. Но ведь вы же и сами говорите: таким гонцам придется сделать огромный круг по горам, а это чего-нибудь да стоит.

– Мои дети, мои несчастные дети! – не слушая его утешений, стонал полковник Деванделль. – Горе мне, горе им, если они действительно попадут в руки беспощадной Яллы. Если бы я мог…

– Что? Стойте, командир! Горе – горем, но дело – делом. Я вижу, если бы вы только могли, вы бросили бы все и помчались на защиту вашей фактории.

– Моих детей! – поправил его старый солдат.

– Все равно! Важно то, что вы покинули бы свой пост. А ваше место здесь. Если вы уйдете отсюда, вы откроете путь на Колорадо для всех полчищ сиу. Подумайте, каковы будут последствия этого?!

– Не бойся! – с горькой улыбкой ответил Деванделль. – Я не забываю о моем долге, я не уйду отсюда. Но, с другой стороны, не могу же я оставить на произвол судьбы моих несчастных детей?

– Вы правы! Хотите, я дам вам совет, за который вы будете очень благодарны?

– Говори.

– Я тут вам почти совершенно не нужен. Пошлите-ка вы меня в вашу факторию с парой каких-нибудь степных бродяг. Ручаюсь, что мы доберемся до фактории Сан-Фелипэ ранее, чем Левая Рука, если он только получит распоряжение Яллы о захвате ваших детей, успеет исполнить это!

– Но прерии уже кишат индейцами! Сумеешь ли, сможешь ли ты, Джон, добраться до фактории? Ведь на каждом шагу тебе будет грозить опасность попасться в руки восставших?!

– Эх, что за беда? Разве мне-то в первый раз рисковать моим скальпом, командир? Кроме того, по всей прерии сейчас гонцы, разосланные правительством, чтобы предупредить поселенцев, собирают большие караваны вооруженных людей и отводят под защиту фортов. Я уверен, что мне удастся наткнуться на какой-нибудь такой табор, и это облегчит мою задачу. Так или иначе, до берегов Соленого озера я доберусь в большой компании, а там будет видно. Вы только дайте мне двух товарищей по моему личному выбору. Я возьму людей, на которых можно положиться. Например, я взял бы двух трапперов – Гарри и Джорджа. Это лихие ребята, и они знают прерию лучше, чем собственные карманы. Кроме того, у них ведь великолепные мустанги, которые могут конкурировать с лучшими лошадьми краснокожих, а это тоже имеет значение. Правда, и им будет грозить серьезная опасность, но Гарри и Джордж умеют защищать свою шкуру. И они лучше, чем кто-либо другой, знают все штуки, все дьявольские хитрости краснокожих. Ну, решайте, командир. Времени терять нельзя. Надо воспользоваться моментом, покуда сиу оставляют нас в покое. Да, кстати, я бы взял с собой нашу пленницу, эту девочку. В моих руках она будет сохраннее, а ведь со временем она как заложница может оказаться весьма ценной для нас. Держу пари, что она дочь какого-нибудь очень влиятельного вождя, если и не Левой Руки. И вы сами знаете, индейцы очень дорожат своими потомками. Так как же? Что решили?

Полковник взволнованно протянул обе руки агенту.

– Пусть будет по-твоему, Джон! – сказал он трепетным голосом. – Ты верный друг! Иди же, попытайся спасти моих детей.

Не теряя ни минуты, агент схватил свой великолепный карабин, пару длинноствольных пистолетов, остро отточенный нож и выбежал из палатки на розыски находившихся где-то

поблизости в засаде трапперов, а полковник Деванделль растолкал маленькую пленницу, освободил ее от веревок и сказал:

– Готовься отправиться в путь.

Девочка поглядела на него живыми и внимательными блестящими глазами.

– Куда посылаешь ты меня? – задала она вопрос.

– К Левой Руке! – ответил полковник.

– У-ах! – недоверчиво воскликнула индианка. – Разве Птица Ночи жив, что меня могут доставить к Левой Руке?

– Найдутся и помимо твоего спутника люди для этого.

– Индейцы?

– Конечно, нет. Но белые знают дорогу не хуже индейцев.

– Может быть, ты сам повезешь меня?

– Нет, дитя. Я должен оставаться тут.

– Потому что ты тот вождь бледнолицых, которому поручено не пропускать моих братьев через Ущелье Могил?

– Кто тебе сказал это? – удивился полковник.

– Птица Ночи.

– Так сиу знают мое имя?

– Да. И они хотели бы, чтобы ты был далеко отсюда…

– Кто ты, дитя? Ты говоришь не как ребенок, а как взрослый человек.

Девочка, не отвечая, бросила на Деванделля взгляд, полный ненависти, но солдат не заметил этого взгляда.

– Почему ты не позволяешь мне остаться с тобой? – через мгновенье задала неожиданный вопрос Миннегага. – Я люблю белых, я охотнее осталась бы с тобой, чем куда-то ехать…

– Но тебя ждет Левая Рука?

– Не беда. Не к спеху.

– Да ведь ты же его дочь?

– Не знаю! – опустила глаза девочка.

– Постой, дитя! Скажи: как ты попала сюда, к сиу, если ты из племени арапахов?

– Не знаю.

– Птица Ночи не был ли твоим родным братом?

И опять с уст девочки сорвались короткие слова:

– Не знаю.

Ясно было, что она просто увертывается от определенных ответов. Но Деванделль еще не потерял надежды выпытать у нее что-нибудь.

– Но ты же знаешь тех, с которыми ты жила? Конечно, ты жила в вигваме какой-нибудь женщины. Как ее звали? Не Ялла ли это? Не дочь ли вождя Мога-ти-Ассаха? Что же ты молчишь?

– Не знаю. Я ничего не знаю! – стиснув зубы, твердила пленница.

– Будешь ли ты говорить?! – вспыхнул полковник, угрожающе сжимая кулаки. Но тут же ему стало стыдно, он отступил от этого полуребенка, безбоязненно глядевшего на него сверкающими мрачным огнем глазами с совсем не детским выражением.

– Я маленькая девочка! – произнесла индианка. – Какое мне дело до того, что интересует воинов? Ну да, ну я жила у одной женщины. Но зачем мне знать ее имя? Ну, да, сиу все вооружены и говорят о великой войне, в которой Маниту поможет им истребить всех бледнолицых. Но меня это не касается. Я не воин. И я люблю белых. Они такие добрые…

В этот момент у входа в палатку застучали копыта готовых в путь лошадей. Джон Максим и его два спутника, трапперы Гарри и Джордж, пришли попрощаться с полковником Деванделлем и получить от него последние инструкции.

– Ну, пора! – сказал, заглянув в палатку, агент. – Итак, какие будут еще распоряжения?

– Спаси моих детей. Вот и все! – ответил Деванделль.

– Постараюсь! – отозвался агент. – А вы тут, в ущелье, отбивайтесь как следует. Прощайте же! Не помрем, так еще увидимся! Правда, ребята?

– Положитесь на нас, командир! Сделаем, что можем! – в один голос ответили оба траппера.

– Ну, друзья, в дорогу! Пусть хранит вас Бог!

– Прощайте, полковник, – сказал Джон, вскочив в седло. – Ах, черт… А где же индианка? Мы так заболтались, что чуть было не забыли ее.

– Подожди, я сейчас тебе ее вышлю.

Но не успел полковник обернуться, как за его спиной мелькнула какая-то тень и в то же время остро отточенный клинок ножа, направленного рукой Миннегаги, вонзился ему между лопаток. Удар был так силен, что Деванделль упал на землю, не издав ни единого звука.

Миннегага, которой удалось каким-то неведомым образом освободиться от веревок и завладеть висевшим на стене широким мексиканским ножом, убедившись, что ее преступление осталось никем не замеченным, презрительно оттолкнула ногой плававшее в крови тело полковника и с дьявольской усмешкой прошептала:

– Вот тебе, собака! Теперь уже некому будет преграждать путь моим соплеменникам.

Затем легким, почти кошачьим прыжком она выскочила из палатки и как ни в чем не бывало подошла к ожидавшему ее Джону Максиму.

– Я готова! – сказала она спокойно. – Где мне прикажешь поместиться?

– Садись позади меня! – сказал агент, беря ее за руку и поднимая на седло. – Здесь ты будешь под надежной охраной.

В этот момент около ущелья прогремел ружейный выстрел.

– Вперед, друзья! – воскликнул Джон. – Предоставим нашим товарищам самим расправляться с краснокожими. Прощайте, полковник! Желаю вам удачи!

И трое всадников, пришпорив своих мустангов, вихрем понеслись от Ущелья Могил под звуки все более и более разгоравшейся перестрелки.

Прежде чем выбраться на открытое место, всадникам предстояло пробраться через узкий каньон, то есть горное ущелье, усеянное крупными обломками скал и в беспорядке разбросанными камнями, среди которых бурлил и вертелся сердитый горный поток.

Джон хорошо знал эти места, которые он изъездил вдоль и поперек в качестве посредника между краснокожими и американскими купцами, и потому он не задумываясь направил лошадь в самую середину потока, крикнув своим товарищам:

– Будьте осторожны! Одолеть этот проход не так-то легко!

Всадники уже проехали триста или четыреста шагов, как вдруг среди треска ружейной перестрелки у входа в Ущелье Могил до их слуха донеслись взволнованные крики солдат:

– Полковник, полковник!..

На устах Миннегаги появилась зловещая улыбка, которую она поспешила, однако, тотчас же скрыть под своей обычной маской холодного равнодушия.

– Ты слышал, Гарри? – с недоумением обратился агент к пробиравшемуся рядом с ним трапперу. – Что бы это могло значить? Неужели с нашим командиром случилось какое-нибудь несчастье?

– Не может быть! – ответил Гарри. – Десять минут тому назад мы оставили его живым и здоровым, вряд ли за этот короткий промежуток времени с ним могло совершиться что-нибудь серьезное!

Агент с сомнением покачал головой и на несколько минут приостановил свою лошадь. Но из ущелья не слышно было уже ничего больше, кроме сухой трескотни выстрелов и боевых криков краснокожих.

– Ну, трогаемся! – скомандовал, наконец, агент, по-видимому, победив в себе какое-то сильное колебание. – Полковник теперь уже, вероятно, сражается во главе своих солдат с этими красными чертями сиу, которым во что бы то ни стало хочется спуститься сюда, в прерии арапахов и чэйэнов!

Миновав первый каньон, путники тотчас же углубились во второй, такой же скалистый и такой же труднопроходимый, за которым открывалась уже широкая равнина прерий, населенных дикими стадами бизонов и антилоп и такими же дикими кочевыми племенами краснокожих наездников.

Путь был настолько труден, что через полчаса езды потребовалось уже дать отдых лошадям. Сойдя на землю, трапперы внимательно стали прислушиваться к отдаленному гулу перестрелки. Несмотря на значительное расстояние, до их слуха ясно доносилась беспорядочная трескотня индейских ружей, прерываемая время от времени дружными и ровными залпами солдатских карабинов.

– А сражение, кажется, разыгрывается не на шутку! – заметил агент, лицо которого все более и более заметно стало проявлять признаки беспокойства.

– Черт бы побрал всех этих Птиц Ночи и Ялл с их покушениями на детей полковника!.. Благодаря им в нашем отряде, что выдерживает теперь натиск этих проклятых сиу, стало тремя меткими карабинами меньше.

– Да! – со вздохом отозвался Джордж. – И еще неизвестно, удастся ли нам хоть поспеть вовремя, чтобы спасти детей командира.

– Все будет зависеть от быстроты наших коней! – ответил агент.

Отдохнув немного, отряд снова двинулся в путь. Каньон казался бесконечным. По дороге то и дело попадались причудливые скалы, шумные водопады, дикие кустарники. Но выносливые мустанги, управляемые опытными руками своих хозяев, настойчиво прокладывали себе путь среди всех этих препятствий и с каждым шагом все ближе и ближе продвигались к прерии, где путь должен был стать уже гораздо легче.

Четыре часа спустя после отправления в путь отряд достиг, наконец, выхода из последнего каньона. Джон еще раз остановил своего мустанга и прислушался.

– Ничего! – сказал он наконец. – Сражение кончилось.

– В чью пользу только, хотел бы я знать? – заметил Гарри. – И я не знаю, что готов отдать, чтобы быть сейчас там, в нашем лагере, и своими глазами видеть исход битвы!

– Будем надеяться, что счастье выпало на долю полковника Деванделля.

Злая улыбка опять промелькнула на губах молодой индианки.

– В чем дело, Миннегага? Что обозначает эта улыбка? – строго спросил ее агент.

– Мне показалось, что на меня смотрит из своей норы степной койот! – ответила девочка, моментально меняя выражение лица.

– Удивительно смешно! – проворчал агент. – Ты слишком несерьезна, чтобы быть настоящей индианкой!

Затем, обернувшись к своим спутникам, он спросил:

– Ну что же, товарищи, двигаемся дальше?

– Разумеется! – ответил Джордж. – У нас есть определенное приказание полковника, и чем скорее мы его выполним, тем лучше.

– Ну, так в дорогу! – заключил беседу Джон. – Пусть будет что будет, а мы доставим полковнику его детей целыми и невредимыми.

При этих словах на губах Миннегаги опять зазмеилась ядовитая улыбка.

– Черт возьми! – совсем уже рассердился агент. – Ты сегодня что-то слишком в смешливом настроении, негодная девчонка! Потрудись сейчас же закрыть свою пасть, иначе я швырну тебя, как собаку, в каньон! Право, я начинаю уже жалеть, что взял тебя с собой. Было бы гораздо лучше, если бы ты осталась вместе с полковником в лагере, авось, какая-нибудь шальная пуля твоих соплеменников уложила бы тебя на месте!

– Я, кажется, еще не сказала тебе, что сиу мои соплеменники! – недовольно ответила девушка.

– А мне-то какое до этого дело. Ты краснокожая, и этого для меня достаточно! Все вы из одной лужи лягушки!

Миннегага гневно сверкнула своими черными глазами и стиснула зубы. Увидев это, Гарри разразился хохотом.

– Ого! Джордж! Смотри, какая злючка! Настоящий тигренок!..

– Ну, довольно! – сумрачно перебил агент. – Не будем терять время в пустой болтовне. Приготовимся лучше к возможным случайностям. Еще десяток минут – и мы будем в прерии. Вы не слышите ничего больше со стороны Ущелья Могил?

– Ничего! – ответил Джордж.

– Ну, это хороший знак! Очевидно, полковнику удалось-таки справиться с этими краснокожими дьяволами.

Через несколько минут, в тот самый момент, когда на горизонте показалось яркое солнце, озарившее своими лучами верхушки горной цепи, трапперы уже окончательно покинули каньон и вступили на территорию необозримых прерий.

IV
Кровавый 1863 год

Этот год стал одним из самых страшных в истории Американского континента.

Тому, кто перелистывает эти страницы, кажется, будто они залиты алой человеческой кровью.

Задумаешься над рассказом о 1863 годе, и чудится, что кругом тебя реют грозные призраки, слышатся крики и стоны беспощадно истребляющих друг друга людей, грохочут выстрелы, звенят мечи, плачут стрелы, проносясь в воздухе в поисках намеченной жертвы, и стелется дым пожаров, пожирающих поселки, и жадно пьет оскверненная людьми мать-земля людскую кровь…

1863 год был решающим для многовековой распри между белыми и краснокожими.

Если бы коренные обитатели Америки в дни, когда появились у ее берегов белые пришельцы, поняли грозящую им опасность и соединились бы для совместного отпора общему врагу, то им было бы легко справиться с европейцами и отстоять свою независимость. Но Америка была поделена между отдельными племенами, каждое племя делилось на роды. Роды, в свою очередь, дробились, и на всем пространстве Америки кипела яростная междуусобная война, шло дикое взаимоистребление краснокожих. В результате, когда появились первые колонии европейцев, краснокожие дали им возможность окрепнуть и развиться. Белые истребляли ближайшие к их поселениям индейские племена и очень часто при этом пользовались услугами других индейских же племен, посылая брата на брата.

В середине XIX века белые уже были полными хозяевами Америки, но в руках обнищавших, обессиленных, почти уничтоженных краснокожих, загнанных в глубь Америки, еще находились богатейшие области.

Начало второй половины XIX века ознаменовалось колоссальным наплывом переселенцев из Европы. Это было второе великое переселение народов. Сами североамериканцы словно сошли с ума: их манил на Дикий Запад роковой призрак – Золотой Молох. Чтобы попасть в обетованный край – в Калифорнию, сотни тысяч людей двинулись через степи и горы, леса и реки, через территории индейцев, их последнее убежище. За искателями золота шел земледелец, лесоруб, торговец, ремесленник. Вдоль дорог, что соединяли восточные штаты с западными, словно чудом вырастали бесчисленные поселки белых, вырубались леса, распахивалась степь, налаживались переправы через реки, строились мосты…

По существу, если бы индейцы были способны перейти от своей кочевой охотничьей жизни к земледельческому быту, то места хватило бы с избытком для всех, но перестать быть охотником, перестать быть вольным воином, отказаться от права бродить по бесконечным степям следом за бесчисленными стадами бизонов, приняться за совершенно незнакомый тяжелый труд обработки земли для индейцев означало перестать быть индейцами. Такие эволюции с целыми народами, конечно, совершаются, но для этого требуются иногда столетия, а тут речь шла о необходимости перерождения многих сотен тысяч людей чуть ли не в два-три года. И требование переродиться предъявлялось пришельцами к тем, которые еще так недавно сами были полными хозяевами страны.

В начале шестидесятых годов среди индейских племен наблюдалось явление, которое может быть названо – конечно, условно – пробуждением национального самосознания.

В прериях Северной Америки прозвучал лозунг: «Прерии для индейцев!»

Сами индейцы уже понимали, что нет физической возможности провозгласить другой лозунг, тот, который должен был прозвучать несколькими веками раньше: «Америка для американцев!»

Теперь многие миллионы людей белой расы по праву сами себя называли американцами, ибо были рождены в Америке и основали здесь уже целые города.

Индейцам приходилось довольствоваться предъявлением своих прав хотя бы на их последние владения, на степи.

Надо заметить, что на протяжении многих десятилетий XIX века индейцы, теснимые белыми, осаждали Вашингтон просьбами об урегулировании их положения и защите их территории от пришельцев. Но это не могло привести ни к чему, ибо и само американское правительство было бессильно приостановить наплыв стремящихся поселиться на безлюдных территориях скваттеров.

Даже когда Вашингтон давал какие бы то ни было обещания, делегаты обеих сторон подписывали взаимные обязательства и клялись сохранить мир – конечно, «вечный» мир, – на Диком Западе шла та же кровавая борьба из-за земли: белые теснили красных, красные мстили белым.

История этой борьбы знает массу трагических эпизодов.

Бывали периоды, когда отряды индейцев устраивали настоящие бойни, истребляли многолюдные караваны, разрушали пограничные города, стирали с лица земли сотни отдельных ферм, а иногда уничтожали не только хорошо вооруженные патрульные отряды, но даже регулярные войска.

Но это не могло остановить потока белой расы, и белые страшно мстили красным.

Надо сказать, что если индейцы были очень жестоки, если во время своих набегов они подвергали пленных невероятным мучениям, убивали женщин и даже детей, если они украшали свои вигвамы, свои одежды, свое оружие скальпами белых, то и белые, в свою очередь, не знали, что такое жалость и пощада, раз речь заходила о краснокожем.

Воин, взятый в плен в бою с оружием в руках, или застигнутый врасплох безоружный путник, дряхлый старик или грудной ребенок, подросток, женщина, девушка, если только они были краснокожими, если только они попадали в руки белого, – им не было пощады.

Там, где действовали регулярные войска, а отчасти патрули, краснокожих просто истребляли.

Но кровавая борьба шла по всему фронту: в ней принимали участие целые отряды так называемых волонтеров, в ряды которых завербовывались, с одной стороны, родственники потерпевших от индейцев, охваченные жаждой мести, с другой – всяческие авантюристы, которых гнала жажда наживы, страсть к приключениям.

И вот эти-то волонтеры сплошь и рядом совершали такие зверства, перед которыми бледнеет все совершенное индейцами.

Краснокожих, по крайней мере, оправдывало то, что они были дикарями. Какое же оправдание можно найти людям белой расы – людям, смеющим на каждом шагу призывать Христа, говорить о цивилизации и культуре? Какое оправдание можем найти для людей, которые самый-то поход против индейцев вели будто бы во имя цивилизации?

Обострение отношений достигло крайней степени в 1862 году, а в следующем 1863 году произошел давно ожидавшийся взрыв: три величайших индейских племени: сиу, чэйэны и арапахи, ранее всегда враждовавшие друг с другом, теперь, перед лицом общей опасности, доведенные до отчаяния, наконец-то заключили общий союз, целью которого была борьба с белыми.

Война вспыхнула внезапно – никто не предвидел близости ее, и побоища были начаты самими индейцами, которые открыли свои действия одновременно в северных частях Колорадо, на востоке штата Канзас и на границах Иоминга, Утахи и даже Невады.

Целые караваны эмигрантов, застигнутые индейцами в необозримых прериях, были вырезаны до единого человека. Почтовые фургоны захватывались и сжигались вместе со своими пассажирами. Все уединенные фермы, все плантации, принадлежавшие людям

белой расы, – словом, все, что носило на себе печать чуждой индейцам культуры, было безжалостно разграблено, разрушено, опустошено.

Американское правительство, застигнутое врасплох этим взрывом ненависти, который грозил нанести серьезный вред эмиграции, надеялось сначала управиться с взбунтовавшимися краснокожими путем посылки нескольких добровольческих отрядов, но скоро оно увидело, что жестоко обманулось в своих ожиданиях. Отряды эти таяли в схватках с индейцами, как весенний снег, и перевес все время оставался на стороне краснокожих. Только один полковник Деванделль, далеко не в первый раз принимавший участие в войнах с дикими обитателями прерий, ухитрялся еще ускользать от бдительного ока индейцев до тех пор, пока правительство не поручило ему трудной и ответственной задачи: запереть племени сиу проход через горную цепь Ларами и тем дать время арканзасской милиции[7] организоваться настолько, чтобы иметь возможность выдержать натиск краснокожих воинов, угрожавших уже прорваться к берегам Миссисипи.

* * *

Зная, что из-за общего восстания индейских племен теперь легко было натолкнуться на отряд если не сиу, то их союзников чэйэнов, Джон Максим, выбравшись из последнего каньона, устроил совещание со своими спутниками, чтобы выяснить, какой путь следовало бы признать предпочтительным, какая дорога будет более безопасной.

На севере простиралась долина, покрытая высокой травой и усеянная там и сям небольшими рощицами или просто группами молодых дубков и ореховых кустарников, у корней которых шумели, разбиваясь о камни, многочисленные потоки. На юге же простиралась необозримая прерия, покрытая роскошной растительностью, густой и пестрой, но не настолько высокой, чтобы скрыть в себе всадника.

Первое направление не представлялось вполне безопасным, потому что многочисленные перелески легко могли дать убежище в своих недрах неприятельской засаде. Не меньшую опасность, впрочем, представляла и прерия, так как в случае встречи с индейцами путникам с их лошадьми вряд ли удалось бы скрыться в низкой траве от зорких взглядов врага.

– Говоря откровенно, я предпочитаю эту лесистую долину прерии! – заметил агент, внимательно окинув взглядом расстилавшуюся на север и на юг картину. – В случае возможной встречи с индейцами эти кустарники могут сослужить нам большую службу. Мы можем под их прикрытием добраться до самой Кампы в сравнительной безопасности и затем нагнать последний караван, идущий к Соленому озеру.

– Хорошо, если этот караван еще цел! – скептически отозвался Гарри. – Чэйэны рыщут там уже, вероятно, несколько недель, и, во всяком случае, они не станут бродить без дела, для одного только своего удовольствия!

– Ну так что же?! – возразил агент. – Если нам не удастся нагнать караван или мы застанем уже только его остатки, то мы просто-напросто будем продолжать путь сами. Вот и все…

– Ладно! – согласился Гарри. – Через долину так через долину. По мне, так решительно все равно! Если нам суждено попасть на ужин краснокожим, то это случится одинаково, возьмем ли мы курс на прерию или же на эту лесистую равнину.

– Признаться, я гораздо охотнее предпочел бы прерию! – сказал нерешительно Джордж. – Здесь, по крайней мере, можно свободно пустить во весь опор своего коня… В случае опасности это может сыграть очень существенную роль. Не правда ли, Джон?

[7] Здесь: войска народного ополчения.

Агент не знал, на что ему решиться, но в тот момент, когда Джордж уже повернул своего мустанга по направлению к прерии, лошадь агента вдруг тревожно зафыркала и издала звонкое ржание.

– Стой! – воскликнул Джон, натягивая поводья и делая трапперам знак взяться за винтовки. – Здесь вблизи есть кто-то посторонний. Моя лошадь отличается большой чуткостью и за версту слышит присутствие врага.

– Мой мустанг тоже неспокоен! – подтвердил Гарри. – Неужели тут по соседству где-нибудь скрывается банда краснокожих? Это было бы не совсем приятным сюрпризом.

В этот момент из-за соседних кустов орешника, как бы в ответ на этот разговор, снова послышалось громкое ржание какой-то лошади, присутствие которой до сих пор нельзя было обнаружить благодаря густоте листвы, скрывавшей ее от взоров наших путников.

Агент и его спутники остановились как вкопанные, ожидая, что будет дальше, и взвели курки своих карабинов, готовые стрелять при первом признаке опасности.

Таинственное ржание повторилось.

– Что бы это такое могло быть? Быть может, какой-нибудь дикий мустанг. Но ведь мустанг, зачуяв нас, давно убежал бы! – сказал Джон. – Обойдем кругом кустарник, посмотрим!

Они направились один за другим, сдерживая своих мустангов, которые артачились и сворачивали то вправо, то влево, словно чуя какую-то опасность.

С каждым шагом кустарники делались все гуще, продвигаться становилось все труднее, и искусство наездников подвергалось весьма серьезному испытанию. Несколько минут спустя лошадь агента уперлась, потом шарахнулась в сторону, в то же мгновение из чащи вырвался мустанг, оседланный по-мексикански, с высоким жестким седлом и короткими стременами, который, пробираясь среди кустарников с удивительной быстротой, сейчас же скрылся в перелеске.

– Стой! – воскликнул Джон, успокаивая своего коня, дрожавшего всем телом. – Здесь кто-то скрывается. Надо расследовать!

При виде мустанга, скрывающегося в зарослях, черные глаза молодой индианки заблестели, но с ее уст не сорвалось ни единого звука.

– Понимаете ли вы, Джон, что тут происходит? – обратился к агенту Гарри.

– Покуда нет. Но меня беспокоит, почему так тревожится мой конь! – ответил агент.

– Да и наши тоже очень беспокойны и предпочли бы скорее удрать, чем идти напролом! – отозвался Джордж.

В это время из кустов раздался отчаянный крик:

– На помощь! На помощь!

Следом прозвучали один за другим два выстрела, вероятно, из небольших пистолетов.

– Вперед, товарищи! – воскликнул агент. – Там кого-то убивают. Проклятые индейцы! Вперед же!

Пришпоренные кони понеслись вихрем и через несколько секунд остановились на берегу небольшого потока, оглашая воздух тревожным ржанием: в ложе потока, посреди воды, погрузясь в нее по пояс, отчаянно защищался от барибаля, то есть черного медведя, какой-то человек, высокий и тощий, по всем признакам застигнутый хищником врасплох и потому лишенный возможности дать серьезный отпор.

Барибаль, или мусква, как называют индейцы черных медведей Северной Америки, не так свиреп и ужасен, как гризли или серый медведь Скалистых гор, но и барибаль очень опасен, когда голоден. Обыкновенно он питается медом диких пчел, насекомыми, мелкой живностью, но в дни голодовок, переставая бояться человека, он нападает и на вооруженных людей, причем оказывается очень опасным врагом: почти в два метра длиной, иногда

даже больше, барибаль обладает громадной силой, ужасными когтями и зубами, способными перекусить, кажется, железную штангу.

Беда тому неосторожному охотнику, который попадет в объятия барибаля: он будет раздавлен, обращен в мешок изорванных мускулов и раздробленных костей в мгновение ока.

Если несчастному и удастся после рукопашной схватки с черным медведем каким-нибудь чудом вырваться из смертоносных объятий хищника, то все-таки всегда с ужасными ранами, наносимыми острыми кривыми когтями зверя. В огромном большинстве случаев эти раны залечиваются с величайшим трудом, причиняя неимоверные мучения, вечно гноятся, часто вновь открываются, а закрываясь, оставляют после себя неизгладимые громадные рубцы.

Нашим путникам представилась оригинальная картина: стоявший в воде по пояс человек отбивался от наседавшего на него черного медведя длинным и острым охотничьим ножом, пятясь от зверя. Положение человека было отчаянным, так как медведь пытался схватить его передними лапами, грозя одним ударом раздробить череп. В то же время движения человека были скованы: бурные струи потока грозили свалить его с ног при малейшем неверном шаге, и тогда, конечно, медведю ничего не стоило бы прикончить своего противника.

Агент и его спутники, держа ружья наизготовку, принялись кричать, чтобы отвлечь на себя внимание медведя. Это удалось, и через мгновение барибаль, оставив в покое незнакомца, с поразительной быстротой выбрался из ложа потока и бросился на новых врагов. Первым на его пути стоял агент, и этот последний едва успел сдвинуть свою лошадь в сторону и всадить заряд карабина прямо в разинутую пасть зверя. Выстрел был произведен в упор, так что пуля, пыж и раскаленные газы из дула карабина вместе ворвались в зев чудовища, челюсти которого были буквально разворочены. Свинцовый подарок приостановил медведя на полном бегу, правда, только на одно мгновение, но этого мгновения было достаточно, чтобы решить участь свирепого животного; трапперы, в свою очередь, выстрелили в него почти в упор, пули их ружей пронзили его тело, и медведь, испустив протяжный рев, рухнул на землю, истекая кровью.

– Подох! – воскликнул Гарри, всаживая на всякий случай еще одну пулю в голову чудовища. – Ну и зверюга же! У него, должно быть, дьявол сидел в теле. Я на своем веку уложил немало медведей, но с таким сумасшедшим иметь дело мне еще не приходилось! Зато у него должно быть чудесное мясо!

– Бросьте заниматься убитым зверем. Надо посмотреть, что сталось с человеком. Сойдем с лошадей! – распорядился агент.

Покуда они, сойдя с лошадей, привязывали их к ветвям ближайшего кустарника, подвергшийся нападению зверя человек успел уже выбраться из воды на берег.

– Медвежий завтрак на двух ногах идет сюда! – пошутил кто-то из трапперов.

– Ну, завтрак не из вкусных: кожа да кости! – отозвался другой. – У барибаля, очевидно, плохой вкус!

В самом деле, спасшийся от медведя человек как нельзя более подходил под это определение: он был высок и очень худ, лицо его бороздили глубокие морщины, делавшие его похожим на старика, но по движениям можно было предположить, что это человек очень крепкий, ловкий, обладающий редкой силой. Хотя на нем был живописный костюм гамбузино, то есть мексиканских искателей золота, но по его наружности трудно было бы определить, к какой именно расе принадлежал он.

На голове у него красовалась круглая шапка бобрового меха, корпус был облачен в казакин из голубой шерсти, перехваченный по самой талии широким поясом из оленьей кожи, на ногах он имел митассэас – кожаные панталоны, заправленные в мокасины индейского покроя.

Невольно рождалось предположение, что этот странный золотоискатель скорее принадлежит к индейской расе или является каким-нибудь метисом: об этом говорила бронзовая окраска морщинистой кожи лица, длинные, черные жирные волосы, орлиный нос, сильно сближенные глаза, которые к тому же заметно косили.

С другой стороны, у него была борода, правда, очень жиденькая, а кроме того, виднелись брови, тогда как индейцы тщательно удаляют каждый волосок с подбородка и даже выщипывают брови.

– Добрый день, сеньоры! – сказал он, поднимаясь на берег все еще с ножом в руке. Вода потоками стекала с его тела, но он не обращал, по-видимому, на это никакого внимания. – Привет вам! Прошу принять мою благодарность: я вам обязан жизнью!

– Пустяки! – ответил агент, пожимая плечами. – В степях таков обычай – помогать друг другу против врагов, ходят ли они на двух или на четырех ногах. Вы, кажется, золотоискатель? По крайней мере, так можно судить если не по вашему лицу, то по вашему костюму.

– Вы угадали, сеньор! – ответил незнакомец ворчливым голосом. – Моя специальность – разыскивать золотые россыпи.

– Но не работать в них? – несколько иронически произнес агент. – Положим, в прериях можно найти искателей приключений всех сортов…

Гамбузино, не отвечая, пожал плечами. Если бы агент и трапперы были повнимательнее, они заметили бы, как взор гамбузино скользнул по лицу маленькой индианки и как Миннегага чуть заметно улыбнулась.

– Откуда вы попали сюда? – спросил агент.

– Из окрестностей гор Ларами.

– А индейцы сиу не преследовали вас?

– Гнались, и довольно долго. Ну, да мы, гамбузино, умеем спасать свою шкуру. Знаем все ходы и выходы! А вы, если не ошибаюсь, принадлежите к отряду полковника Деванделля, который загораживает выход индейцам в прерию?

– Правильно! – ответил агент. – Но почему же вы, гамбузино, зная, что мы деремся с индейцами и нуждаемся в подкреплении, не предложили своих услуг полковнику, а шляетесь здесь, в степи?

– Посмотрите на мое лицо! – хладнокровно ответил золотоискатель. – Долго ли до греха? Ваши патрули – народ скорый на расправу, а я-таки смахиваю на индейца, и попади им в руки, кто поручится, что они по ошибке не отправят меня на тот свет – искать луга Великого Духа? Я же не испытываю покуда ни малейшего желания отправиться в такое дальнее путешествие ни при помощи ваших товарищей, ни при помощи господ краснокожих, от которых мне удалось, слава Богу, благополучно отделаться!

– Но куда же вы направляетесь теперь? – задал вопрос авантюристу Джон Максим.

Гамбузино пожал плечами:

– Покуда удирал от краснокожих, мне было не до того, чтобы думать о дальнейшем. Лишь бы свой скальп спасти да ноги унести. А куда, если позволите вас спросить, направляетесь вы сами?

– К Кампе. Попробуем присоединиться к какому-нибудь каравану, идущему на Соленое озеро. Мы ведь тоже беглецы! – ответил Джон Максим.

Гамбузино посмотрел на него, улыбаясь несколько иронически.

– Солдаты, которые бегут от индейцев? – произнес он. – Прикажете поверить, так поверю! Но не вернее ли, что вы посланы с каким-нибудь важным поручением?

– Может быть! – ответил сухо агент. – Но вас, надеюсь, это не касается?

– Само собой разумеется. Терпеть не могу совать нос в чужие дела! У меня и своих собственных достаточно. Если сказал, то только так, между прочим.

А на самом деле, бежали ли вы, отправляетесь ли с каким-либо поручением, мне что за дело? Вот что вы спасли меня, это я знаю, потому что это ближе всего касается моей собственной шкуры…

– Хотите ли вы присоединиться к нам? – осведомился после некоторого колебания агент.

– Разумеется, если я только вам не помешаю! – торопливо ответил гамбузино.

– Не видели ли вы здесь близко индейских разведывательных отрядов?

– Пока еще нет. Я думаю, что ни чэйэны, ни арапахи не тронутся с места до тех пор, пока сиу не спустятся с гор Ларами в долину. Если и может встретиться кто-нибудь, так это будет просто случайная банда!

– Но как вы теперь себя чувствуете? Оправились ли вы от нагнанного на вас индейцами страха?

– Я никогда не позволяю страху слишком долго владеть мною! – ответил гамбузино, опять обмениваясь незаметно для трапперов быстрым взглядом с Миннегагой.

– А где же ваша лошадь? Я боюсь, что, пока мы здесь болтаем, она успела уже забраться туда, где ее никак не отыщешь! – забеспокоился агент.

– О, нет! – возразил гамбузино. – Моя лошадь слишком привязана ко мне. Я уверен, что она находится на том самом месте, где я ее оставил.

– Ну, так сделаем вот что! Вы идите пока за вашей лошадью, а мы займемся здесь медвежьими окороками. Из них можно будет выкроить пару великолепных обедов.

– Вы думаете сейчас же двинуться в путь? – обернулся гамбузино на ходу.

– Да, нам нужно торопиться. Мы отдохнем как следует уже вечером в монастыре Крови. Думаю, что от него осталась еще хоть пара стен!

– Хорошо! – ответил гамбузино. – Через пять минут я вернусь вместе с моим мустангом и с карабином, который я так глупо оставил висеть у седла.

Обменявшись еще раз быстрым взглядом с молодой индианкой, он поправил висевший у пояса широкий мексиканский нож и быстро направился к кустарникам, издавая на ходу пронзительные призывные свистки.

V
Монастырь Крови

Джон Максим не отрываясь смотрел на удалявшегося. Казалось, его мучило сомнение.

– Что ты думаешь обо всей этой истории, дружище? – обратился он, наконец, к Гарри, который, вооружившись своим охотничьим ножом, беззаботно занялся обработкой медвежьего окорока: из медвежьего мяса должно было выйти превосходное жаркое на завтрак путникам. – Что это за странная личность, Гарри? Признаться, я предпочел бы совершенно не встречаться с этим гамбузино. Его физиономия внушает мне не очень-то много доверия! – продолжал агент.

Гарри наклонил голову, сунул в рот небольшую плитку спрессованного табака и вместо ответа промычал:

– Гм!

– Твое «гм» мне решительно ничего не объясняет!

Гарри прожевал табак и, сплюнув на землю, наконец, ответил:

– А что думаешь об этом ты, родившийся на свет Божий двенадцатью годами раньше меня и знакомый с прериями чуть не с детского возраста?

– Гм!.. – замялся, в свою очередь, агент. – Говоря откровенно, я не знаю, что и думать. Мне кажется почему-то, что он совсем не тот, за кого ему хочется себя выдать.

Правда, он может быть гамбузино, потому что носит свойственный этому сорту бродяг костюм, но, с другой стороны, по виду он вылитый индеец.

– Ну… – усомнился Гарри. – Если бы он был индейцем, то с какой стати ему пришла бы в голову мысль бежать подальше от восставших краснокожих? По-моему, это вернее всего какой-нибудь мексиканский бандит, одна из тех темных личностей, которыми еще так недавно было полно все Колорадо.

Джон Максим погрузился на несколько минут в какие-то размышления.

– А, да черт с ним! – сказал он затем, решительно встряхнув головой. – Кто бы он ни был, хоть сам Вельзевул, выскочивший из ада, нам нет никаких оснований бояться его. Нас трое, и если он вздумает устроить нам какую-нибудь гадость, то мы живо укажем ему на его место. И потом, ведь до Кампы не так уж далеко! Там мы постараемся отделаться от него, если…

Не докончив фразы, он резко обернулся назад, инстинктом почуяв за спиной присутствие кого-то постороннего.

Миннегага, которая до того момента прогуливалась в некотором отдалении в густой траве прерии, мало-помалу приближалась неслышными шагами к разговаривавшим и при последних словах агента неслышно опустилась на траву всего в нескольких шагах от него.

– Что ты здесь делаешь, негодная?! – воскликнул агент, нахмурившись и гневно сжимая кулаки. – Ты подслушивала наш разговор?!

– Гуг!.. – ответила девушка, пожимая плечами. – Миннегага слушала журчание ручья.

– Ты могла бы слушать его немного подальше отсюда.

– Мне все равно!

Индеанка завернулась пренебрежительно в свой мягкий шерстяной плащ и, отойдя в сторону, уселась под большим камнем, лежавшим в нескольких десятках метров выше по течению потока.

Джон и Гарри обменялись взглядами.

– Вот сокровище, которое даст нам больше забот, чем пользы! – сказал недовольным тоном агент.

– Да! – ответил Гарри. – Эта девочка – настоящий демон. Клянусь медвежьим окороком, который так вкусно поджаривается сейчас на вертеле, что ее глаза и эта ее дьявольская улыбка способны нагнать страх.

В этот момент из рощицы показался гамбузино на своем мустанге, красивом и выносливом коне андалузской породы, снаряженном по мексиканскому образцу.

– Ну, – сказал Джон, – дожидаться завтрака вам, ребята, уже не придется. Нужно поторапливаться, благо лошади уже несколько отдохнули!

Гарри со вздохом поглядел на медвежий окорок и, не желая оставлять его степным хищникам, снял его с вертела и подвесил к седлу своей лошади.

– Не удалось его съесть здесь, так съедим в другом месте! – заметил он.

Через несколько минут четверо всадников уже мчались по прерии, направляя свой путь к Кампе.

Время от времени из кустов вырывались с быстротою ветра стада грациозных антилоп, вспугнутых топоком копыт, или стаи койотов, трусливо шнырявших в траву, завидя всадников, чтобы затем снова вынырнуть и долго смотреть им вслед, испуская душераздирающий жалобный вой.

Присутствие этого зверя было хорошим признаком для путешественников: все животные прерий как чумы боятся индейцев, в которых они не без основания видят своих злейших врагов. Если бы вблизи находился какой-нибудь отряд арапахов или чэйэнов, то во всей округе не осталось бы больше ни одного животного. Исчезли бы даже болтливые сороки, которые теперь, чувствуя себя в безопасности, спокойно стрекотали на верхушках придорожных деревьев.

Около полудня путники, не желая слишком утомлять своих лошадей, сделали небольшой привал и организовали незатейливый завтрак, состоявший из маисовых галет и так называемой ямны – сорта лука, растущего в диком виде в траве прерий и довольно приятного на вкус.

Этот отдых был несколько потревожен появлением целой стаи больших черных волков, разместившихся на небольшом расстоянии от отряда с явным намерением, дождавшись ночи, наброситься на него и устроить себе сытный пир. Появление их тоже было, до известной степени, хорошим признаком, потому что волк, даже голодный, никогда не появляется там, где близко находится индеец. Однако четверо путешественников гораздо охотнее предпочли бы совершенно не встречаться с этими хищными животными. Если индейцев и не было в этой местности, то пронзительный, заунывный вой волков легко мог издалека привлечь их внимание и навести, таким образом, на след отряда.

– А ведь эти звери собираются, кажется, поужинать нами сегодняшней ночью! – шутливо сказал Джордж ехавшему рядом с ним правительственному агенту.

– Пожалуй, им это и удалось бы сделать, если бы у меня не было на примете надежного убежища, где мы можем провести ночь! – ответил тот. – Я еще не знаю, как я найду это убежище, но, насколько мне помнится, в этих местах должно находиться то знаменитое подземелье, в котором во время оно была изжарена целая шайка разбойников.

– Изжарена целая шайка? Что это за история? Мне ничего не приходилось раньше слышать об этом!

– Сейчас не время заниматься болтовней; я расскажу тебе эту историю, если хочешь, когда мы будем уже сидеть за медвежьим окороком в безопасном месте. Правда, я давно уже не бывал в этом монастыре Крови, как его называют, но тем не менее надеюсь, что мне удастся разыскать его сравнительно легко. У нас, трапперов, хорошая память на места!

К вечеру погода начала заметно меняться к худшему: подул резкий ветер, и покрывавшие горную цепь Ларами тучи начали понемногу спускаться в долину, перевиваясь время от времени огненными зигзагами молний.

Не желая подвергаться опасности быть застигнутыми ураганом на открытом месте, всадники пришпорили своих лошадей и во весь опор помчались вперед в указанном агентом направлении. Лошади неслись, подгоняемые громким воем волчьей стаи, которая не только не отставала от путников, но, напротив, с приближением сумерек все смелей и смелей приближалась к ним, заметно увеличиваясь.

Едва только солнце скрылось за горизонтом, как придорожные деревья начали со свистом гнуться под первыми порывами приближающегося урагана и с обложивших небо серых туч посыпались на землю первые тяжелые капли дождя.

– Скорей, скорей! – торопил своих спутников Джон Максим. – Монастырь уже должен быть близко. Смотрите! Волки начинают как будто отставать. Это верный признак, что убежище недалеко! Погоняйте лошадей!

Лошади мчались уже среди довольно густого леса, где обычно царствовавший сумрак еще более усиливался темнотой надвигающейся ночи. Если бы не вспышки молний, следовавшие почти непрерывно одна за другой, то всадники едва ли сумели бы ориентироваться в окружавшей их густой мгле.

Скакавший во главе отряда агент уже начал было бормотать себе под нос какие-то многоэтажные ругательства, как вдруг вспыхнувшая с необыкновенной силой молния, за которой последовал заставивший задрожать всю землю раскат грома, осветила перед отрядом широкую поляну с разбросанными по ней в беспорядке остатками каких-то стен, среди которых возвышалась полуразрушенная колокольня.

– Монастырь Крови! – весело воскликнул агент.

– Наконец-то! – проворчал Джордж. – Еще немного, и наши лошади свалились бы на землю от усталости!

– Какое, однако, гнусное имя носит это убежище! – заметил Гарри, скорчив кислую гримасу. – Вероятно, здесь устроили какую-нибудь гадкую выходку краснокожие.

– Вовсе нет! – отозвался агент. – Но об этом после! Берите-ка под уздцы лошадей и посмотрим, не удастся ли нам спрятаться где-нибудь от дождя. Зажги-ка факел, Джордж! Как порядочный траппер, ты, разумеется, должен иметь его у себя в запасе.

При свете факела отряд обошел вокруг колокольни, проник в большую дверь, носившую на себе следы давнего пожара, и через несколько минут очутился внутри монастыря.

Крыша его почти вся оказалась разрушенной и валялась здесь же, на полу, в виде целой груды обломков, однако часть ее сохранилась настолько, что под ней могли свободно укрыться от непогоды и сами путешественники, и их лошади.

Стены монастыря Крови оказались еще более поврежденными, чем его крыша. В них было множество проломов, в которые свободно врывались потоки дождя, заносимые дувшим с яростной силой ветром. В эти проломы свободно могли проникнуть и преследовавшие путников волки, которые, судя по доносившемуся издали глухому и отрывистому вою, похожему на собачий лай, вовсе не думали отказываться от своих враждебных намерений.

При ярком свете пропитанного смолой факела, еще более сгущавшего и без того черные тени, лежавшие в закоулках здания, среди беспорядочно разбросанных кругом груд обломков, внутренность монастыря предстала перед беглецами во всей своей неприглядной наготе и заброшенности.

– Приют, однако, не из важных! – недовольно пробормотал Гарри, оглядывая полуразрушенные закопченные дымом стены и арку с частью уцелевшего над ней свода. – Впрочем, эти развалины все же во сто раз лучше, чем открытая равнина прерий. По крайней мере, есть хоть где укрыться от дождя!

– Можно спуститься вниз, в то самое подземелье, где десяток лет тому назад мы уничтожили банду мексиканских разбойников! – заметил агент. – Я думаю, их скелеты валяются там и по сию пору.

– Мы? – удивился Джордж. – Разве и ты имел какое-нибудь касательство к этой истории?

– Разумеется! – не без самодовольства отозвался агент. – Не будь этого «касательства», я не заработал бы ста красивых новеньких долларов. Вы хотите знать, каким образом я их заработал? Хорошо, я расскажу вам об этом. Давайте только расположимся поудобнее вот здесь. В подземелье спускаться, пожалуй, будет небезопасно, так как оттуда нам трудно будет заметить приближение индейцев, если – что очень возможно – этой краснокожей братии придет в голову мысль искать убежище от непогоды здесь же, в развалинах этого монастыря. Хотя, по всем признакам, их не должно быть сейчас в этой части прерии, но осторожность никогда не мешает.

– Итак, – начал Джон Максим, когда лошади были поставлены в надежное место и предусмотрительно захваченная Гарри медвежья нога весело затрещала над разложенным на полу костром, – как я уже сказал, мне довелось быть в этом самом монастыре десять лет тому назад. Монастырь принадлежал тогда мексиканским монахам, которые построили его в этом сердце индейских владений с намерением внести в среду краснокожих вместе с христианской моралью также зачатки американской цивилизации. Говоря откровенно, задача эта была сколько благородная, столько же и безрассудная. С одной стороны, проповедовать индейцу смирение и покорность – все равно что проповедовать льву кротость и послушание. А с другой стороны, в ту эпоху здесь водилось гораздо больше мексиканских разбойничьих шаек, чем индейских таборов.

Эти шайки производили неслыханные злодейства, разграбляя все караваны, которым приходилось пересекать прерии, и не боялись даже создавать затруднения американскому правительству нападениями на почтовых гонцов, отправляемых с разными депешами, иногда очень важными, через те же прерии.

– Да, мне не раз приходилось слышать об этих проделках, – вставил Джордж, заботливо поворачивая к огню недостаточно еще прожарившуюся сторону медвежьей ноги. – Эти негодяи совершают при этом такие жестокости, какие вряд ли позволяют себе даже индейцы при всей их дикости и кровожадности…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.